ПИОНЕР

МАЙ

Издательство „Правда" 1947 г.

Гос Публичная Библиотека 5 в Ленинграде

№ 5

МАЙ
1947 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

В Москве, в Музее Центрального дома Советской Армии, установлены знамёна дивизий, отличившихся в боях за Берлин.

Почётное место среди них занимает скромное красное полотнище на простом древке, пробитое в нескольких местах пулями и осколками снарядов.

В верхнем левом углу его изображение серпа и молота; посередине надпись: «150-я стрелковая ордена Кутузова II степени, Идрицкая дивизия, 79-го стрелкового корпуса, 3-й ударной армии, 1-го Белорусского фронта».

Это — знамя Победы, водружённое над рейхстагом, знамя, возвестившее всему миру о том, что гитлеровское государство уничтожено.

Здесь же, в зале музея, перед священными знамёнами прославленных советских дивизий брошены знамёна немецких разбойничьих орд, которые самонадеянно маршировали по площадям покорённых европейских городов и которые нашли свой конец под Москвой и Сталинградом, на Днепре и на Одере, в Варшаве, Берлине, Праге, Вене...

На снимке: ребята рассматривают знамя Победы и поверженные знамёна разгромленной германской армии.

П 29
34

Первое мая

Проснулась я утром, а в комнате свет,
Как будто бы солнышко шлёт мне привет.
И розовый отблеск на нашем окне,
Как будто лучи улыбаются мне.

Над нашим окошком полощется флаг,
Он весь яркокрасный, похожий на мак,
Я вспомнила: праздник сегодня большой,
Летит он над всею великой страной!

Я вспомнила: будет сегодня парад,
И папа и мама — все так говорят.
И я примостилась на нашем окне.
Я села под флагом: здесь всё видно мне.

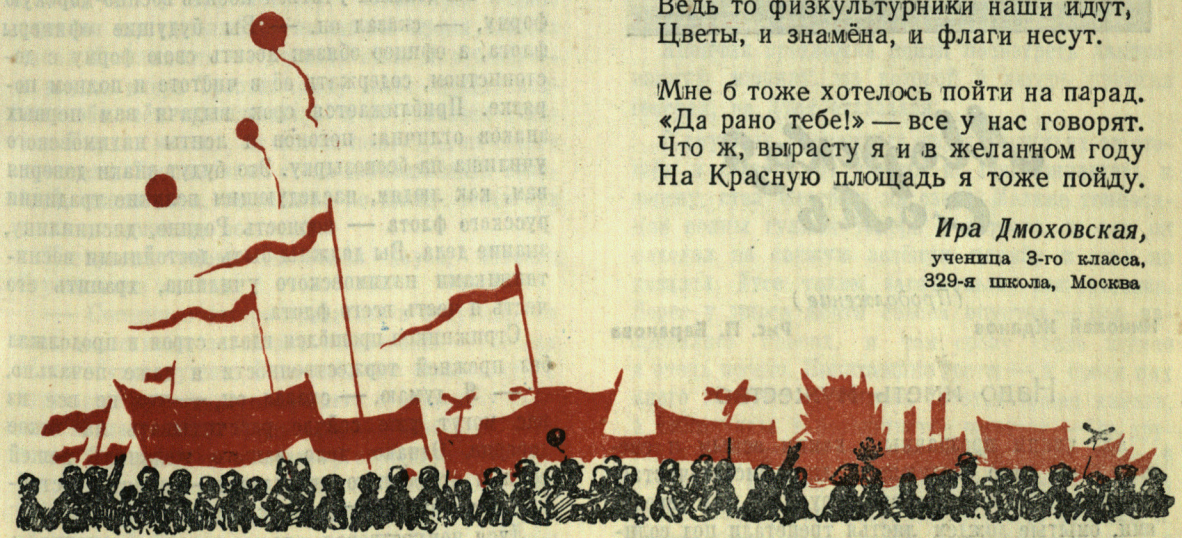
Я глянула вниз, там повсюду народ,
Так много бойцов мимо окон идёт.
И пушки и танки идут и идут.
Подумала я: «Верно, будет салют!»

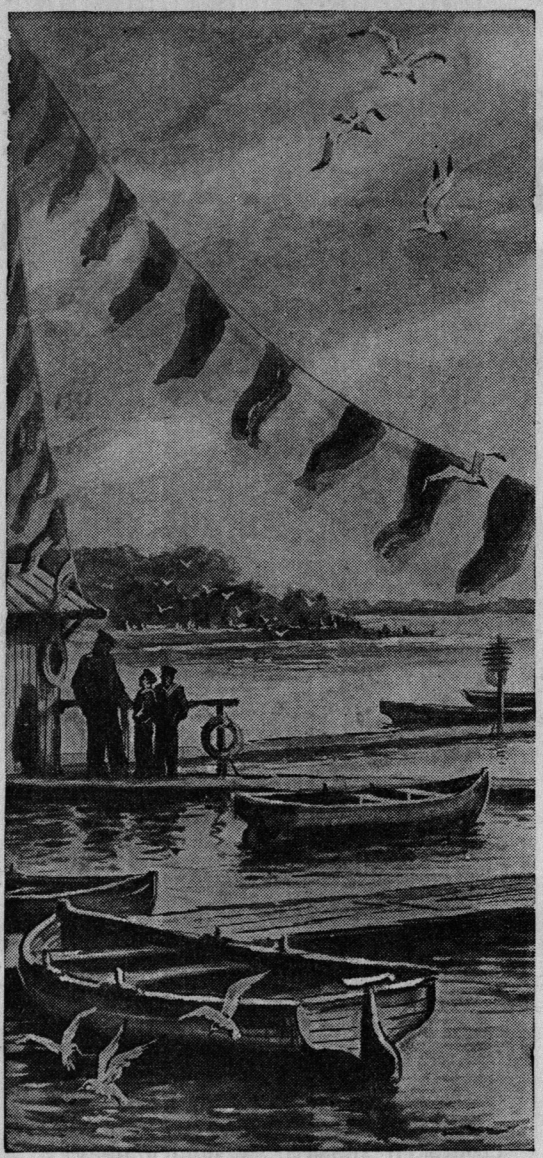
А что за гирлянда на улице той?
Не видела прежде гирлянды такой.
Там флаги — они так пестры и ярки,
Трепещут огромных цветов лепестки.

Гирлянда живая проходит вперёд...
А вот и узнала, кто это идёт:
Ведь то физкультурники наши идут,
Цветы, и знамёна, и флаги несут.

Мне б тоже хотелось пойти на парад.
«Да рано тебе!» — все у нас говорят.
Что ж, вырасту я и в желанном году
На Красную площадь я тоже пойду.

Ира Дмоховская,
ученица 3-го класса,
329-я школа, Москва





Морская соль

(Продолжение)

Николай Жданов **Рис. П. Баранова**

Надо иметь мужество

Ах, каким прозрачным, каким ясным и свежим было утро следующего дня! Чистая-чистая, лучащаяся синева словно струилась над деревьями, омытые дождём листья трепетали под солнцем, озеро будто забылось в утренней дрёме и тихо светилось сквозь нежный парок, курящийся над водою. Просто трудно было поверить, что ещё вчера вечером здесь свистел ветер, лил дождь, неслись по небу тучи. Само утро как будто говорило: да полно, было ли это? Видите, как всё вокруг хорошо, новый день сверкает и искрится, обещая быть радостным и весёлым.

Однако на душе у Дуси и Тропиночкина, когда они, проснувшись по сигналу побудки, вышли на крыльцо знакомого нам домика, не было так безмятежно и ясно. Беспокойное сознание, что произошло нечто такое, отчего будут неприятные последствия, не оставляло их.

Весь лагерь был украшен флагами. От главной мачты к воротам — в одну сторону и к передней линейке — в другую тянулись ванты, образуя огромный треугольник из разноцветных флажков. Флаги реяли над будкой у пирса и над домиком дежурного офицера.

Передняя линейка перед белоснежными палатками сверкала чистотой, достойной боевого корабля.

Старшина второй статьи Алексеев, всегда находившийся при роте в отсутствие офицера-воспитателя, сказал, чтобы до завтрака все привели в полный порядок одежду, вычистили ботинки и пуговицы на бушлатах.

Дуся и Тропиночкин долго возились у крыльца, счищая друг с друга щёткой пятна глины — следы вчерашнего неурочного путешествия — и с тревогой поджидали прихода «папы-мамы».

Капитан-лейтенант Стрижников появился в парадном кителе с белым крахмальным воротничком и чёрным галстуком. Он приказал построить роту повзводно и, приняв рапорт вице-старшин, сам осмотрел, как у каждого пригнано обмундирование и хорошо ли вычищены ботинки.

— Вы должны учиться носить военно-морскую форму, — сказал он. — Вы будущие офицеры флота, а офицер обязан носить свою форму с достоинством, содержать её в чистоте и полном порядке. Приближается срок выдачи вам первых знаков отличия: погонов и ленты нахимовского училища на бескозырку. Это будут знаки доверия вам, как людям, наследующим великие традиции русского флота — верность Родине, дисциплину, знание дела. Вы должны быть достойными воспитанниками нахимовского училища, хранить его честь и честь всего флота.

Стрижников прошёлся вдоль строя и продолжал без прежней торжественности и даже печально.

— Я думаю, — сказал он, — что не все из вас могут уже сейчас рассчитывать на такое доверие. Однако дело вашего желания, вашей воли и искреннего стремления — занять достойное место в шеренге юных нахимовцев.

Дуся почувствовал, что его сердце заколотилось

часто-часто и дышать стало тяжело, хотя все они стояли на лужайке перед домиком и над ними простиралось огромное голубое пространство. Вот сейчас Стрижников заговорит о них с Тропиночкиным и, наверно, скажет перед всем строем, что они нарушили дисциплину и недостойны носить погоны и ленту, как настоящие нахимовцы.

Но Стрижников молчал, и Дусе уже пришло в голову, что, может быть, он ещё ничего не знает, как вдруг капитан-лейтенант сказал:

— Вчера я разрешил вам всем гулять в лагере до вечернего отбоя. Я думал, что каждый из вас уже понимает, что такое дисциплина, и заслуживает моего доверия. Однако двое из воспитанников нашей роты были замечены на берегу озера уже после отбоя, во время грозы. Я хотел бы, чтобы те, кого это касается, объяснили нам, почему они не вернулись в свою роту во-время и вообще что они делали на озере.

Стрижников выжидательно посмотрел на ряды воспитанников.

Все молчали. Многие недоуменно переглядывались. Дуся стоял, не смея поднять глаз. Он чувствовал, что краснеет, и боялся, что если Стрижников взглянет на него, то сразу узнает в нём виноватого.

Между тем молчание становилось всё тягостнее.

— Ну что же, — сказал Стрижников, — выходит одно из двух: или виновных среди вас нет или они не имеют мужества признаться в своей вине и объяснить её. Первое было бы всем нам более приятно, но что же делать, если виновные стоят здесь, среди вас?

Он с укоризной посмотрел на своих воспитанников, и Дуся испытал на себе железную тяжесть его осуждающего взгляда. Чувство стыда жгло и давило грудь. Он готов был шагнуть вперёд и признаться во всём. Слова капитан-лейтенанта о том, что у них нехватает мужества, больно укололи его самолюбие, но он всё время помнил наказ Метелицына — держать язык за зубами — и данное вчера Тропиночкину слово моряка молчать обо всём происшедшем и не двигался с места. Улучив момент, он искоса посмотрел на своего приятеля. Тропиночкин стоял напыженный, красный, капли пота, стекавшие по виску, выдавали испытываемое им волнение.

Наступила снова тягостная пауза, наконец Стрижников сказал:

— Сегодня в лагере праздник, и я думал, что если мы с вами поговорим откровенно, то и вам и мне будет лучше. Ведь всё, что происходит и будет ещё происходить хорошего и плохого у каждого из нас, всегда будет касаться нас всех, всей роты. Нам не следует поэтому скрывать что-либо друг от друга, если мы хотим жить единой, дружной морской семьёй. Я прошу всех вас подумать об этом. Я уверен, что если не сейчас — перед строем, — то потом те, кто были вчера на озере, скажут мне об этом.

Стрижников посмотрел на свои ручные часы и приказал вести роту на завтрак.

За столом мальчики смущённо перешёптывались.

Но принесли праздничный пирог с капустой, и все стали есть. Дуся посмотрел на Тропиночкина: тот сидел красный и не трогал еды. Старшина второй статьи Алексеев тоже обратил на это внимание.

— Мне есть не хочется, — сказал Тропиночкин. — Меня чего-то полежать клонит.

Прямо из-за стола его отвели к врачу, и после завтрака стало известно, что у Тропиночкина жар и его оставили в лазарете.

Дуся почувствовал себя растерянным и одиноким. Как раз теперь, после всего, что произошло, Тропиночкин был ему особенно необходим.

Между тем на озере начинались шлюпочные соревнования, и все отправились к пирсу.

Дуся вместе со всеми смотрел, какая «шестёрка» придёт раньше. Потом две группы старших нахимовцев перетягивали канат, и все кричали им:

— Давай, давай! Ещё немного! А ну!

На берегу было солнечно, шумно и людно. Со станции прибыли два автобуса с гостями и артистами. Щеголеватые, подтянутые воспитанники старших рот обсуждали ход спортивных соревнований, предупредительно уступали дорогу приезжим и со сдержанной вежливостью отвечали на вопросы о жизни лагеря.

Ни Раутского, ни Метелицына не было среди них.

На открытой веранде летнего клуба, невидимый за деревьями, играл духовой оркестр.

«Как хорошо бы теперь быть ни в чём не виноватым!» — подумал Дуся.

Япончик предложил пойти посмотреть лакированную машину, на которой в лагерь приехал генерал, но Дуся отказался.

В смутных, тревожных своих раздумьях он отошёл в сторону от других и, прислонившись к дереву, стал смотреть на озеро. Мелкие темносиние волны гуляли теперь у острова, и сам он походил на свежую зелёную клумбу и уже не казался Дусе таким загадочным, как раньше. Берег у пирса почти совсем опустел — все направились наверх, и там сразу стало шумно и очень весело. Приехавшие гости — и среди них много женщин — взялись за один конец каната, а нахимовцы, в большинстве новички,— за другой и в шутку стали перетягивать канат. Полный пехотный генерал с красивой седеющей головой весело подавал команду. Ему мешала одышка и, должно быть, было жарко, потому что он всё

время вытирал лоб платком. К Дусе доносились крики и радостные дружные взрывы смеха.

Вдруг кто-то сзади положил ему руку на плечо. Дуся тотчас обернулся — перед ним стоял мичман Гаврюшин.

— Здравствуйте, — пробормотал Дуся робко.

Боцман смотрел куда-то поверх его, должно быть, не узнавая.

— Где тут капитан-лейтенант Стрижников? Помоги-ка отыскать! — сказал он.

— Да он сам признался, — сказал мичман. — А лодка была обнаружена в кустах ещё вчера.

Дуся замер на месте и затаил дыхание. «Надо уйти», — подумал он. Но то, что он слышал, так близко касалось их с Тропиночкиным, что он невольно задержался.

— Попало прежде всего мне грешному, — говорил мичман, — попадёт ещё больше, когда начальник узнает, что в лодке находились воспитанники. Ведь озеро шестнадцать километров

...На озере начались шлюпочные соревнования...

— Сию минуту.

Дуся стремглав миновал рощу и вылетел на тропинку, спускавшуюсу к пирсу, куда, как ему казалось, ушёл Стрижников. Но у пирса никого не было, перед деревянной будкой стоял одинокий дневальный. Дуся, смущённо повернувшись, пошёл обратно к лагерю. Стрижникова не было ни на площадке среди играющих, ни у домика дежурного офицера, ни в кают-компании. Дуся решил сказать об этом мичману Гаврюшину, но его тоже не было уже под тем деревом, где он остался.

Где-то совсем рядом послышался голос капитан-лейтенанта Стрижникова. Дуся сделал всего несколько шагов и за густыми зарослями малинника и бересклета увидел сидящих на поваленном дереве «папу-маму» и боцмана.

— Почему же вы решили, что виноват Метелицын? — спрашивал Стрижников.

в длину, тут в прошлом году утонула девочка из пионерского лагеря, что на том берегу. Трагическая история. С тех пор у нас строго запрещено пользоваться шлюпками всем, кроме воспитанников старших рот, и то только в часы занятий.

— А разве на лодке был кто-нибудь? — спросил Стрижников. — Я ведь думал, что лодка была плохо привязана и её отогнало ветром.

— И начальник и я вчера думали так же. Но в том-то и дело, что в лодке были двое каких-то новичков. Вы понимаете, чем это могло кончиться? Начальник этого так не оставит. Да и нельзя оставить!

— Вам сказал сам Метелицын? — глухо спросил Стрижников.

— Да, Метелицын. Он бы, конечно, не стал говорить, но дело в том, что начальник приказал мне строго взыскать с дежурного по пирсу. А дежурным по пирсу оказался Раутский. Метелицын

же, как я заметил, очень дорожит своей дружбой с этим воспитанником, потому что он помогает ему в занятиях. И вообще, правду сказать: в том, что Метелицын стал последнее время так исправляться, главная причина — Раутский. И вдруг Раутскому из-за него попадёт! Вот он и не выдержал — признался.

— Благородный поступок, — сказал Стрижников.—От Метелицына этого не ожидал. Вероятно, начальник примет во внимание его прямоту, но всё-таки — самовольно взять лодку и катать по озеру новичков, да ещё в такое время, — это уж слишком! За это ему грозит отчисление от училища.

— Я тоже этого опасаюсь, — сказал мичман Гаврюшин печально. — Как хотите, судите, а мне этого воспитанника жаль. В нём всё-таки есть что-то настоящее. «Вы, — говорит, — Раутского не вините — он отличник, на нём всякое пятно будет глаз резать, накажите лучше меня».

— Да, — проговорил задумчиво Стрижников,— кто же, однако, с ним путешествовал по озеру из моих малышей?

Он стал тереть себе лоб, как будто вспоминая что-то.

Дуся осторожно выбрался из куста и, убедившись, что его никто не заметил, пустился бегом в свою роту. Надо было обдумать всё, что он узнал. Как было бы хорошо поговорить теперь с Тропиночкиным, но это невозможно — в лазарет не пускают и, верно, не пустят ещё целых два дня. Дусе казалось, что вот-вот должно что-то случиться. Но странное дело: уже наступило время обеда, а ничего такого не произошло.

После обеда все пошли на концерт. В зале было много гостей. Тот самый пехотный генерал сидел на крыльце и, когда Дуся проходил мимо него, схватил его за руку и сказал:

— Ага, попался!

Он посадил Дусю к себе на колено и спросил шутливо-строгим тоном:

— Ты тоже пехотинцем не хочешь быть? А? Лучше говори начистоту, а то не выпущу!

Он крепко держал его за плечи, но Дуся всё-таки сполз с колена и сказал, что так сидеть не положено.

— Вот ты и поговори с ним, — сказал генерал. — И мой племяш так же: положено, не положено, — пожаловался он двум полным, пахнущим духами женщинам, стоявшим рядом. — А в пехоту зову — нипочём, да и только!

Он достал папиросу и, закурив, выпустил густую струю дыма.

В это время к нему подбежал вице-старшина Колкин и сказал:

— Дядя Серёжа, ты почему же закурил, а разрешения у женщин не спросил?

— Молодец! Вот молодец! — воскликнули, смеясь, обе женщины, и одна из них взяла Колкина за руку и притянула к себе.

— Виноват, — сконфуженно признался генерал, — я думал, на крыльце и так можно.

— Разрешите идти? — сказал Дуся.

— Идти? — переспросил генерал. — Ну иди, раз надо. А в пехоту, значит, не хочешь?

Дуся не знал, что ответить.

— Мне моряком надо быть, — сказал он и пошёл в залу.

«А он славный, — подумал Дуся, — и как странно, что Колкин зовёт его просто дядя Серёжа».

Все вокруг казались ему хорошими, славными, и все относились к нему так, как будто и он был таким же хорошим, достойным человеком. «Если бы они знали всё про меня, они бы не относились ко мне так, как теперь», — думал он.

Во время концерта все новички, как самые маленькие, сидели вместе в первых рядах и старались вести себя так же, как старшие. Больше всего понравились им жонглёры и акробаты. После них на сцену вышел клоун, расстелил ковёр и тожо пытался всё сделать, как акробаты, но у него ничего, конечно, не получалось, и он стал очень смешно снимать свои огромные ботинки, и широченные брюки, и штук двадцать жилеток, которые оказались на нём надеты.

Дуся смеялся вместе со всеми просто до слёз.

Но затем девушка стала играть на скрипке нежную, грустную пьесу, и Дуся, слушая её, вспомнил тётю Лизу и бабушку и потом почему-то вспомнил Метелицына, как он стоял тогда позади всего строя, лицо его было некрасиво и взгляд тёмных глаз казался тяжёлым и печальным. А потом этот Метелицын стоял под фонарём у будки и весело говорил Раутскому: «Но тут же только один малыш, а где остальные?»

И Дусе вдруг представилось, что всё это было не вчера, а когда-то давно-давно. Ведь тогда ещё Тропиночкин сидел на острове, а теперь он в лазарете и видеть его нельзя. Метелицыну же грозит исключение из училища, тогда как виноваты они с Тропиночкиным. Если бы слово моряка не нужно было держать так крепко! Они бы рассказали обо всём «папе-маме» и боцману. Тогда Метелицына, наверно, не станут исключать. Зато им с Тропиночкиным уже не выдадут ни погонов, ни ленты на бескозырку. Что если поставят их позади строя? Или совсем отчислят от училища?

И Дусе вдруг представилось, как он надевает опять свои короткие штаны и длинные чёрные чулки с резинками, заштопанные на колене, а тётя Лиза стоит около и говорит: «Эх ты!» — и плачет, и бабушка, притворяясь спокойной, утешает её: «Ну ничего... что же теперь делать...

значит, не получился из него моряк, — не в отца вышел...»

Дуся почувствовал, что слёзы щекочут щёки. В это время скрипка смолкла. Он едва успел вытереть глаза, как в зале зажёгся свет.

— Парамонов, ты что это? Плакал, да? — спросил Япончик.

— Ничего я не плакал, — сказал Дуся, — сам ты, может быть, плакал!

Япончик молча пошёл с ним рядом.

— Знаешь что, — сказал он, — давай завтра наберём для Тропиночкина малины, я знаю хорошее место.

— Ладно, — сказал Дуся, — наберём.

До ужина так ничего и не случилось, а потом начались танцы, и, когда стало уже темнеть, гости поехали на станцию. Их провожали всем лагерем. Дуся видел, как садились в автобус акробаты в серых спортивных плащах и одинаковых шляпах, все с одинаковыми чемоданчиками в руках. Потом появился невысокого роста, но очень важный и серьёзный человек. Он остановился у автобуса и посмотрел вокруг с сознанием высокого своего достоинства и превосходства. «Где-то я его видел», — подумал Дуся.

— Это клоун! Смотрите: это клоун! — зашептал Колкин.

Клоун, заметив оживление среди мальчиков, грозно нахмурился и тоже скрылся в машине.

Оркестр заиграл попурри и потом вальс «На сопках Маньчжурии». И долго ещё после того, как машины отъехали и лагерь, казалось, опустел и затих, плыли над лесом широкие, мягкие волны звуков.

Откровенный разговор

Узнав, что в лодке, прибитой к берегу грозой, находились воспитанники да притом младшей роты, капитан первого ранга Бахрушев нашёл всё это очень серьёзным и на другой день утром вызвал к себе Стрижникова и долго говорил с ним.

Он сказал, что это не может быть оставлено без внимания, что необходимо установить, кто из новичков был в лодке.

— Подумайте, — сказал он также, — может быть, следует поставить в известность о таком поступке их родственников. Послезавтра начинается учебный год. Надо, чтобы священное для моряка чувство дисциплины укрепилось в молодых нахимовцах с первых же дней. — Что касается Метелицына, — продолжал он, — то я склонен был отчислить его от училища, но мичман Гаврюшин рассказал мне о его откровенном признании. Это поколебало моё решение. Тем не менее он заслуживает самого сурового наказания. Согласитесь сами: вывезти в озеро десятилетних малышей да ещё в бурю!

— Разрешите мне просить вас не принимать пока окончательного решения о Метелицыне, — сказал Стрижников. — Мне кажется, что ещё не все обстоятельства этого «путешествия» по озеру вполне ясны. Судя по всему, Метелицын в последнее время был далёк от подобного озорства. Кроме того в эти дни тренировок они все так много ходили на шлюпках, что предполагать в нём особую охоту покататься по озеру тоже нельзя. Тут есть какие-то дополнительные обстоятельства, ещё не известные нам. Я хотел поговорить с воспитанником Раутским, но вчера его послали с поручением в город — в училище, и он лишь сегодня должен вернуться. Может быть, и мои воспитанники разъяснят что-либо.

— Хорошо, — сказал капитан первого ранга, — подождём до вечера.

Он сделал ещё указания, касающиеся отъезда на станцию, и затем отпустил капитан-лейтенанта.

Выйдя от начальника, Стрижников направился через весь лагерь к лесу, где в сопровождении старшины второй статьи Алексеева находились на прогулке воспитанники его роты. Ему надо было побеседовать с ними об отъезде в училище и начале учебных занятий. Но не это занимало мысли капитан-лейтенанта.

«Почему, — думал он, — почему случилось так, что мне до сих пор не известно: кто же из «малышей» (все офицеры в лагере и нахимовцы старших рот между собой называли новичков «малышами») был на озере во время грозы?.. Неужели они мне не доверяют или боятся меня?» — с тревогой думал он.

Конечно, можно вызвать Метелицына, чтобы он указал в шеренге новичков вчерашних своих спутников. Но Стрижников не хотел и считал бы унизительным для себя поступать подобным образом.

«Нет, так не годится: между нами обязательно должно быть полное доверие друг к другу», — убеждённо повторял он самому себе.

Капитан-лейтенант так углубился в свои мысли, что едва не прошёл мимо небольшого стоявшего на отлёте домика с зелёными ставнями. Здесь помещался лагерный лазарет, а Стрижников с утра собирался узнать о здоровье заболевшего вчера Тропиночкина.

Дежурный санитар предложил ему надеть халат и повёл через крохотный чистый коридорчик в единственную палату, где в полном одиночестве (ибо остальные три койки пустовали) находился Тропиночкин.

— Тут уж приходили к нему приятели, — сказал санитар. — Малины принесли. Только я не впустил их: не велено. — он открыл дверь в палату.

— Это, наверно, вам? — спросил Стрижников.

Тропиночкин, сидя на койке и облокотясь на подушку, усиленно делал знаки кому-то за окном. Заметив входящих, он юркнул под одеяло, но, узнав Стрижникова, должно быть, хотел встать, чтобы приветствовать его.

— Лежите, лежите, — сказал капитан-лейтенант, и знакомая добрая улыбка осветила на миг его умное лицо с двумя одинаковыми морщинками по краям рта. — Как вы себя чувствуете?

Тропиночкин молчал, всё ещё борясь с внезапным смущением и осторожно поглядывая в окно.

— Что говорит врач? — обратился Стрижников к санитару.

— Врач скоро придёт, — сказал санитар. — Говорит, что простыл где-нибудь сильно паренёк, вот его и прознобило. Малярийный, вроде сказать, приступ. Он, слышь, и раньше малярией болел.

— И раньше болел? — спросил Стрижников у Тропиночкина.

— Было на фронте один раз, — тихо сказал Тропиночкин. — А сейчас у меня больше ничего не болит, товарищ капитан-лейтенант.

— Сейчас-то не болит, — сказал санитар, — а вчера чуть до сорока градусов не догнало! Надо, парень, ещё денёк полежать, а то бывает, что отпустит на день, а потом опять хватит!

— Потерпите до завтра, — сказал Стрижников, — а завтра в город поедете на машине. Но где же вы так простыли? Спать не холодно было в домике?

— Нет, — сказал Тропиночкин, — не холодно.

Он повернул голову и стал упорно смотреть в окно, на стволы соснового леса.

Стрижников помолчал, потом сел у кровати на табуретку.

Санитар вышел.

В это время чья-то белая бескозырка мелькнула под окном, и в открытую форточку влетела бумажка, свёрнутая фантиком. Она скользнула по одеялу и упала на пол.

Тропиночкин покраснел и нахмурился.

— Кто там? — спросил Стрижников.

— Да ну их, — проворчал Тропиночкин, — сказали нельзя, а они не уходят.

Стрижников подошёл к окну и, распахнув его, выглянул наружу — у домика никого не было.

Брошенная в окно бумажка всё ещё валялась на полу.

— Это, наверное, вам? — сказал Стрижников, поднимая фантик и протягивая Тропиночкину. — Записка, видимо, какая-то.

— Не знаю, — сказал Тропиночкин, — это не мне.

— А вы посмотрите, — сказал Стрижников.

Тропиночкин покраснел ещё более и, взяв бумагу, развернул её. На ней неровными буквами было написано: «Метелицына отчисляют. Давай признаваться».

Он невольно сжал записку в руке, сунул её под одеяло и с опаской взглянул на Стрижникова: не видел ли он, что тут написано?

Но «папа-мама» смотрел куда-то в сторону и, должно быть, думал о чём-то своём.

— Мне бы хотелось, Тропиночкин, поговорить с вами откровенно, — сказал он. — У вас родители есть?

— Есть мать, — сказал Тропиночкин медлен-

но,— только она теперь хворая. Она, как немцы отца убили, с тех пор болеет всё.

— А с отцом вы дружно жили? Не скрывали от него ничего? Всё говорили?

— Не знаю,— сказал Тропиночкин,— он, как встанет утром, так в колхоз, в правление, а то в поле. Он председателем был.

— А если провинитесь, наказывал он вас?

— Порол один раз, чтобы мать слушался. А мать поругает только — и всё: она добрая.

— Так. А потом вы на фронте были? Разведчиком?

— И разведчиком и просто так, при комендантской роте.

— Там уж вы сами за свои поступки отвечали?

— Не знаю. Мне что скажут, то я и делал.

— Это хорошо,— серьёзно сказал Стрижников,— значит, у вас есть настоящая фронтовая привычка к дисциплине. У других её ещё нет. Я разрешил погулять до отбоя, помните? Двое не послушались. И не захотели сказать, почему. А теперь выясняется, что они катались на лодке по озеру со старшим воспитанником. Да ещё в грозу. Целая история. Начальник вынужден с этого воспитанника спрашивать в пять раз строже. Просто отчислить его от училища собирается.

Тропиночкин, очень внимательно разглядывавший всё время узоры на одеяле, запыхтел и ещё более нахмурился.

— Он не виноват,— сказал Тропиночкин.— Вовсе он не катался.

— Не катался? — спросил Стрижников.

— Это они за мной на остров пришли, а то у меня плот унесло. Я туда переехал на плоту — так просто, посмотреть, а плот и унесло.

Тропиночкин тяжело вздохнул:

— Я бы вам, товарищ капитан-лейтенант, и раньше сказал, когда вы спрашивали, да он нам сказал: «Держите, говорит, язык за зубами». Мы слово дали не говорить.

Стрижников молчал, раздумывая.

— Это — серьёзное дело, — сказал он наконец. — Как же вас заметили на острове?

— Меня бы не заметили — Парамонов сказал.

— Он тоже был с вами?

— Нет, он на берегу стоял.

— Так, — сказал Стрижников и вздохнул в свою очередь. Затем он посмотрел на часы и встал.

— Мне пора, — сказал он. — Поправляйтесь, Тропиночкин. Выходит, я доверял вам больше, чем мог, но всё-таки я и дальше буду доверять вам. А вы, если моё доверие вам дорого, сумеете оправдать его. Верно?

И, не дожидаясь ответа, он вышел из комнаты.

(Окончание следует.)

Речка

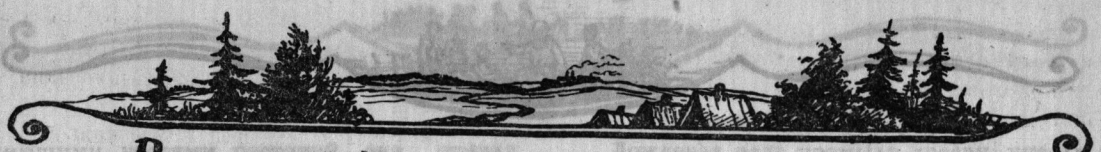
Фёдор Белкин

Сверкает речка-быстротечка
То возле гор, то возле гряд,
То на лугу совьёт колечко
И поит резвых жеребят.

Всю ночь у сада молодого
Она журчит под лозняком,
Умоет сторожа седого,
Зарю расчешет камышом,
Кружит колёса и турбины,
Чтоб хлебом пахли жернова...
И вот опять пред ней долины,
Туманы, росы и трава.

Сверкай, чтоб житу колоситься,
Стели к морям зеркальный путь!..
Вот так бы мне вперёд стремиться,
Нигде назад не повернуть!

Рис. В. Алфеевского



В поход по родному краю

Рюкзаки за плечами, пионерские посохи в руках, смуглые, золочёные солнышком лица, твёрдая, упругая поступь, весёлая песня. Это идут юные путешественники.

Вокруг зелёная ширь полей, неизведанные тайны природы, нераскрытые богатства родного края.

Костёр на привале, чуть пахнущая дымом каша (самая вкусная в мире!), прохладные струи речки — как несказанно увлекательно всё это, как заманчиво и интересно! Нет, пожалуй, пионера, который не мечтал бы о путешествиях и походах.

Походы школьников и пионеров — самый здоровый и самый приятный летний отдых, какой только можно придумать. Центральный комитет комсомола отметил, что прошлогодние путешествия пионеров и школьников принесли очень хорошие результаты. Они помогли ребятам лучше изведать родные края, увидеть богатство и красоту нашей природы, близко познакомиться с прошлым и настоящим родины и воочию увидеть её близкое будущее—строительство новых заводов, электростанций, новые шахты, рудники, посёлки.

С богатыми трофеями вернулись домой юные путешественники: некоторые из их открытий пригодились для народного хозяйства, разнообразные коллекции и ценные находки обогатили школьные музеи и учебные кабинеты. А ещё приобрели ребята то, чего нельзя поместить в коллекцию, но что очень пригодится в жизни: крепкие мышцы, смелость, ловкость, наблюдательность, находчивость, уменье побеждать трудности.

Надо, чтобы в этом году ещё большее число пионеров и школьников отправилось в путь по родным краям, чтобы из каждой школы пролегли маршруты юных путешественников.

Что же предпринять вам, ребята, чтобы ваше путешествие прошло с успехом?

Обдумайте хорошо маршрут, посоветуйтесь с учителями истории, биологии, географии, литературы, с работниками местного краеведческого музея. Они скажут вам, какие новые заводы вы можете увидеть, какие строительства, какие интересные исторические места и памятники есть поблизости, как собирать коллекции насекомых, растений и минералов, как составить карту полезных находок, как записывать народные сказы, сказки, песни, загадки, исторические предания, как собирать или зарисовывать образцы народного творчества — резьбу по дереву, вышивки, роспись.

Руководителем вашего похода обязательно должен быть учитель или вожатый. Но это не значит, что вам можно сидеть сложа руки и ждать, что за вас всё сделают старшие.

Надо заранее обдумать, что взять в дорогу, самим смастерить дорожное снаряжение, если нет готового. Тренируйтесь в ходьбе, в беге, плавании, преодолении преград.

Перед тем как отправиться в дорогу, надо произвести генеральный смотр, всё ли в порядке, все ли готовы. Если в вашей дружине собирается несколько групп путешественников, устройте общий смотр готовности к походу.

Сегодня вы прочитаете в нашем журнале советы опытных туристов, краеведов, учёных. Эти советы вам пригодятся в походах.

Советы старого краеведа

Я занимаюсь краеведением сорок лет. В моей работе мне постоянно помогают пионеры и школьники. Мне очень хочется, дорогие читатели, чтобы и вы занялись этим увлекательным делом.

С чего же начать вам, мои юные друзья?

Краевед, как и охотник и рыболов, отправляясь в поход, не может заранее предугадать, что ему удастся найти. Но это не значит, что краеведы работают без плана.

Прежде всего свяжитесь с ближайшим краеведческим музеем, райпланом и районным отделом сельского хозяйства, познакомьтесь с пятилетним планом своего района, города или колхоза, узнайте, какие промышленные предприятия есть недалеко, какое местное сырьё они используют, в чём они нуждаются. Нашей промышленности нужны стекольные пески, минеральные красители, кирпичные и гончарные глины, торф, гравий и другие полезные ископаемые, залежи которых ещё не все разведаны и учтены. И краеведы могут помочь в поисках. Так, в прошлом году орехово-зуевские краеведы нашли в окрестностях города пески, пригодные для изготовления форм на механическом заводе. До этого песок привозили издалека. Там же нашли и доломиты, нужные для доменных печей.

В краеведческом музее вы много узнаете об истории своего края. И тут ещё не мало загадок и «белых пятен». Вот, например, из архивных источников историки знали, что ещё в XVII веке недалеко от Москвы был построен первый стекольный завод. Но нигде не было указано, где именно. Это место открыли школьники недалеко от Истры. По их указаниям произвели раскопки и нашли черепки старинной стеклян-

ной посуды, большие тигли для варки стекла и чугунные доски, на которых делали листы оконного стекла.

Так же были разысканы близ Каширы, Истры и Серпухова остатки металлургических заводов.

Когда вы соберёте все сведения о прошлом и настоящем своего края, вам уже легко будет наметить маршруты путешествия.

Для сбора образцов приготовьте коробочки и склейте бумажные мешочки. В них вместе с образцом вкладывайте этикетку с обозначением, где, когда и кем собран материал. Без этикеток он не будет иметь научной ценности.

Историкам в их поисках часто помогает фольклор. Побеседуйте с местными старожилами, они расскажут старинные сказания, легенды, пословицы и поговорки, споют песни и частушки. Эти образцы поэтического народного творчества записывайте как можно точнее, с особенностями местного говора.

Однажды, возвращаясь из похода, я заночевал в селе Каринском, неподалёку от Звенигорода. Разговорился с местными жителями, и они рассказали мне предание о каком-то князе Каре. Дворец этого князя стоял на холме у Москвы-реки. Я знал, что село Каринское очень древнее, оно упоминается в грамотах XIV века. Утром я отправился на этот холм и обнаружил там древнее городище; тут в начале нашей эры было поселение. На другом берегу реки обнаружили могильные славянские курганы XI—XIII веков. Раскопки дали много интересного материала.

Зарисовывайте местные жилища, костюмы, орудия труда и быта (посуда, мебель).

Костюмы и говор иногда помогают выяснить происхождение населения. Я как-то обратил внимание на то, что в нескольких районах возле Звенигорода говор населения отличается от говора в соседних районах. Порылся в книгах и выяснил, что в Московской области живёт много потомков белоруссов, которых переселили в XVII веке, после польско-литовской интервенции, помещики из южных и западных своих поместий. И до сих пор потомки этих белоруссов сохранили свой, особый говор.

Очень интересно познакомиться с кустарными промыслами, столь разнообразными в нашей огромной стране. Тут вы увидите образцы непревзойдённого народного мастерства.

Советую вам, ребята, осматривать берега рек, особенно после половодья. Вода нередко открывает нам остатки давным-давно вымерших животных. Недавно совсем недалеко от Москвы была найдена огромная кость мамонта.

Но сами никогда не производите раскопок: это должны делать специалисты. Сообщите о своих находках в краеведческий музей. Я думаю, что все вы принесёте много интересного и для нас, краеведов, и для своего школьного музея.

Желаю вам успеха, юные краеведы!

В. М. Колобов,
консультант Московского областного музея

Разведчики дорог

Откуда взялась глина

Когда-то, очень давно, глина была твёрдым полевым шпатом и вместе со слюдой и кварцем составляла гранит, который лежал глубоко-глубоко в земле, в самом основании большого горного хребта. Над этими горами в воздухе плавали облака, шёл дождь, текли потоки дождевой воды, дули ветры. Много тысяч лет работали вода и ветер, они разрушили, наконец, горы так сильно, что на земную поверхность выглянули самые «корни гор» — граниты.

Граниты образовались в земных глубинах, где сотни лет было одинаково тепло, куда не проникали ни воздух, ни вода. Там они могли бы пролежать ещё много-много тысячелетий, не изменяясь. На земной поверхности они начали выветриваться. Они растрескивались от неравномерного расширения при нагревании (ведь солнце нагревает не всю скалу, а только ту часть, которую освещает), они побурели оттого, что кислород воздуха обратил все частички железа, которые были в них, в бурую окись железа — в «ржавчину»; вода растворила в них всё, что могла, и разложила слюду и полевой шпат. С помощью углекислоты, которую вода вобрала в себя, просачиваясь между

гнющими частями растений, она отняла калий, натрий и кальций, входившие в состав полевых шпатов и слюды, и оставила на месте твёрдых, блестящих кристаллов мягкий, чрезвычайно мелкий порошок каолин — глину. Гранит стал бурым, хрупким и, наконец, рассыпался на мелкие кусочки—превратился в дресву.

Дождевая вода промыла дресву, унесла каолин в реки, а реки увлекли его в озёра и моря. Там, в стоячей воде, эти мельчайшие частички осели, образовав пласты ила. Потом, современем, озёра заполнились осадками, ещё позднее они пересохли, море передвинулось в другие места, и залежи глины оказались на суше.

Глина—наш друг и враг

Люди давно заметили, что глина, обожжённая на огне, делается твёрдой и не размокает в воде. Из глины стали делать посуду, а затем—кирпичи для построек. Теперь в любом доме мы всюду встречаем вещи, сделанные из глины. Представьте себе, что глина исчезла. У нас не было бы ни глиняной, ни фарфоровой (сделанной из очень чистой, белой глины) посуды, не было бы ни кирпичных, ни железобетонных [1] домов, а печи пришлось бы делать из плотно пригнанных тёсаных камней. Как это было бы трудно и неудобно. Глина — наш друг.

Но глина — и наш враг. Попробуйте в ненастье пройти по глинистой дороге — и вы сразу почувствуете это. Глина—причина плохих дорог, на которых выбиваются из сил люди и лошади, застревают и ломаются автомобили.

А раз так, — с ней нужно вступить в борьбу и победить её. И в этой борьбе, как и на настоящей войне, вы можете взять на себя интересную и нужную работу — работу разведчиков. Результаты вашей работы очень пригодятся сельсовету или дорожному отделу райсовета.

Для работы вам нужна небольшая лаборатория. Вот что должно быть в ней:

1. Цилиндрические мензурки диаметром 2,5 см ёмкостью 100 куб. см. 2. Раствор хлористого кальция 5,5 г на 100 г воды. 3. Стеклянная палочка с резиновым наконечником. 4 Решето проволочное с отверстиями в 1 мм. 5. Часы с секундной стрелкой.

[1] Бетон — смесь мелкого камня и песка с цементом. Цемент же делается из смеси извести и глины.

Определение глины

Таблица для определения количества глины в 5 куб. см грунта

Объём, занимаемый разбухшим грунтом (в кубических сантиметрах)	Количество глины (в процентах)	Характеристика грунта
25,00	90,70	Глина, пригодная для изготовления посуды
23,75	85,03	
22,50	79,35	
21,25	73,67	
20,00	68,01	Глина, годная для кирпича
18,75	62,25	
17,50	56,68	
16,25	51,02	
15,00	45,35	Плохая дорога
13,75	39,68	
12,50	34,00	
11,25	28,34	
10,00	22,67	Хорошая дорога
8,75	17,00	
7,50	11,33	
6,25	5,66	
5,60	2.75	

Глина в воде разбухает, и объём её становится больше. Содержащий глину грунт будет также разбухать и увеличиваться в объёме и тем сильнее, чем больше он содержит глины. По разбуханию грунта можно определить содержание в нём глины. Делается это так.

1. Высушите взятые вами образцы грунта в комнате (но не на печи), раздавите комки, просейте.

2. Насыпайте понемногу в мензурку, постукивая дном мензурки обо что-либо мягкое (например, о стол, покрытый одеялом), чтобы грунт улёгся плотнее. Насыпьте таким образом ровно 5 куб. см.

3. Налейте 50 куб. см мягкой воды (лучше дождевой, можно — речной, но не ключевой и не колодезной).

4. Стеклянной палочкой размешайте грунт с водой. Размешать нужно хорошо, чтобы на стенках мензурки совсем не осталось прилипших мазков глины. Тут вам очень поможет резиновый наконечник: он прекрасно вытирает стекло.

5. Прилейте 3 куб. см раствора хлористого кальция, чтобы осадить глину.

6. Долейте водой до 100 куб. см, размешайте, оставьте стоять сутки или двое, пока не осядет вся глина.

7. Измерьте, не сливая воды, какой объём занимает разбухший грунт, и определите в нём количество глины по данной таблице.

Определение песка

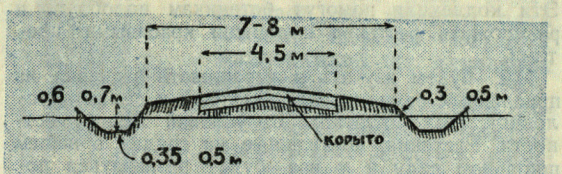
Количество песка в грунте определяют отмучиванием. Но, чтобы осел весь песок, даже мельчайший, отмучивание ведут очень осторожно.

Насыпьте в мензурку 10 куб. см высушеного и просеянного грунта. Налейте немного воды, размешайте, долейте воды до 100 куб. см, размешайте и дайте отстояться ровно 90 секунд, после чего слейте почти всю воду. Снова налейте воды до 100 куб. см, размешайте, дайте постоять 90 секунд и слейте. Сделайте так несколько раз, пока вода не станет прозрачной.

Затем промойте песок в меньшем количестве воды, наливайте всего 30 куб. см и давайте отстаиваться 30 секунд. Когда вода станет прозрачной, дайте песку отстояться 20 минут и определите его объём. Помножьте полученное число кубических сантиметров на 10—и вы получите процентное содержание песка в грунте.

Количество песка на одну часть глины	Водопроницаемость	Липкость	Как улучшить дорогу
Песка совсем нет. Глина.	Воду не пропускает, в ненастье превращается в невылазную грязь. Высыхает очень медленно.	Очень липка.	По бокам вырыть канавы для стока дождевой воды. Нарастить земляное полотно дороги, посредине полотна вырыть „корыто", засыпать его песком, а сверху устроить каменную одежду из гравия, дресвы или камня, укатать дорогу (см. схему на стр. 13).
Песка 0,5—2,5 части. Глинистый грунт.	Воду пропускает очень слабо. В ненастье размокает, долго не просыхает.	Липкость средняя.	Вырыть канавы по бокам дороги. В верхний слой дороги примешать песок или гравий, чтобы уменьшить липкость грунта.
Песка 2,5—5 частей. Суглинки.	Воду пропускают, поэтому в ненастье вода не застаивается. Быстро просыхают.	Липкость слабая.	Дорога улучшения не требует.
Песка 6—8 частей. Супеси.	Легко пропускают воду и быстро высыхают.	Не липки, в сухом виде сыпучи.	Чтобы уменьшить сыпучесть, примешать в верхний слой глину. Иногда вместо этого дорогу обрабатывают нефтью.
Песка больше 8 частей. Пески.	Очень легко пропускают воду, даже во время дождя на дороге не бывает луж.	Не липки, очень сыпучи, песок легко переносится ветром.	Примешать к верхнему слою дороги глину и укатать дорогу для закрепления песков. Сверху насыпать слой дресвы или гравия.

Когда вы определите процентное содержание песка и глины, вы заметите, что сумма их гораздо меньше 100 процентов. Это происходит потому, что в грунте, кроме глины — с диаметром частиц меньше 0,005 миллиметра



На этой схеме, изображающей разрез дороги, вы видите, как нужно исправлять глинистую дорогу.

и песка — с диаметром частиц больше 0,05 миллиметра есть ещё пыль — с диаметром частиц от 0,05 до 0,005 миллиметра. Теперь вы можете рассчитать, сколько частей песка приходится на одну часть глины, то есть попросту разделите число процентов песка на число процентов глины. Вычисление производите с точностью до 0,1.

Найдите соответствующий грунт в таблице на предыдущей странице и посмотрите, как его улучшить.

Но не забывайте, что глина, которая портит дороги, — наш друг. Место, совсем не пригодное для дороги, может оказаться залежью прекрасной гончарной или кирпичной глины. Поэтому возьмите образцы грунтов, где вы нашли много глины, и покажите их специалистам: гончарам и техникам кирпичных заводов, — и их мнение о качестве глины также сообщите сельсовету. Для вашей школы соберите коллекцию «Выветривание гранитов»; ваши учителя будут ею очень довольны. А нам сообщите, что вам удалось сделать, и, если встретите какие-либо трудности, тоже сообщите — постараемся помочь.

М. В. Дурденевская,
геолог.

Ваша помощь Ботаническому саду

Бесконечно разнообразен растительный мир: на земле насчитывается до 150 тысяч видов одних только дикорастущих цветковых растений.

Самые разнообразные растения населяют и нашу обширную страну. Понятно, как резко должны отличаться друг от друга растения — жители Крайнего Севера и знойных пустынь Средней Азии, Карпатских и Кавказских гор, таёжных лесов Дальнего Востока и Сибири...

К концу пятилетки в Москве будет построен Главный ботанический сад Академии наук СССР. На полянах в парке, в дендрарии, в павильонах и теплицах разместятся растения нашей необъятной страны и других стран, уроженцы Америки, Африки, Азии и Европы. Посетители сада увидят здесь культурные и дикие растения, полезные человеку, и красиво цветущие декоративные растения. Наши ботаники будут изучать все эти растения, «приучать» их к новым климатическим условиям, и, вероятно, многие из них в будущем выйдут за пределы Ботанического сада и обогатят растительный мир нашей страны.

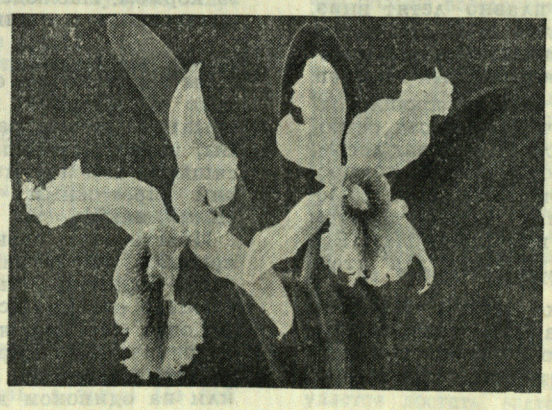
Сколько луковиц, корневищ, клубней и семян нужно собрать для Ботанического сада!

В этом году будут снаряжены экспедиции на Южный Сахалин, в горы Тянь-Шаня, в Дагестан и в самые отдалённые места Советского Союза. За тропическими и субтропическими растениями отправятся экспедиции в Бразилию, на Яву, Цейлон, Тасманию и другие далёкие страны.

И. В. Мичурин установил, что растения, выращенные из семян, гораздо лучше приспосабливаются к новым природным условиям, чем пересаженные во взрослом состоянии. В Ботаническом саду будут обширные питомники для выращивания растений из семян.

Мы отберём из этих растений те, которые будут пригодны для условий нашей страны.

Ботаникам сада можете помочь вы, ребята, разведчики родного края.



Одна из красивейших тропических орхидей — кетлея. Эти чудесные цветы будут расти в оранжереях Ботанического сада.

Среди «дикарей» есть много лекарственных, витаминоносных, красильных, эфиромасличных, волокнистых, каучуконосных и других полезных растений. Вспомните, что совсем недавно кок-сагыз был таким «дикарём».

Собирайте семена диких полезных растений своего края. Часть этих семян посейте на школьном участке, а остальные пришлите в Ботанический сад, где будет создана огромная коллекция полезных растений нашей страны.

В саду будут созданы участки дикорастущих

растений с красивыми цветами. Ботаническому саду особенно нужны ранние весенние цветы, их луковицы, корневища и клубни.

Разыщите в лесу полянки, покрытые красиво цветущими растениями. Образцы их выкопайте и засушите для гербария. Растения с самыми пышными и красивыми цветами отметьте воткнутыми в землю палочками или ветками. Когда растения отцветут и у них начнут подсыхать листья, вы снова придёте сюда, выкопаете их луковицы, клубни или корневища и соберёте семена. Часть их используйте для закладки садика, который украсит ваш школьный двор. В этом садике вы сможете провести много интересных наблюдений над растениями.

В посылку для Ботанического сада вложите и лист гербария, по которому мы сможем определить вид растения.

Очень интересно проделать ещё и такую работу: проследить оттенки окраски цветов у растений одного вида. В природе часто встречаются растения одного вида с различно окрашенными цветами. Подснежники, например, бывают почти белые, нежноголубые и почти синие. Эти различия зависят от жизненных условий, в которых живут растения, и часто передаются из поколения в поколение. В Ботаническом саду будут собраны цветные расы различных видов растений. Эти коллекции помогут ботаникам подобрать и размножить растения с самыми красивыми цветами.

Мы будем изучать и выращивать растения из присланных вами луковиц, клубней и семян в условиях, резко отличных от условий вашей местности. Растения, посаженные на грядке в вашем школьном саду и у нас, будут развиваться поразному. Вы будете корреспондентами Ботанического сада, и, возможно, подробные описания ваших опытов помогут учёным-ботаникам сделать интересные для науки заключения.

Присылайте посылки с растениями и пишите нам по адресу: Москва, 75, Останкино, Главный Ботанический сад Академии наук СССР.

П. А. Баранов,
член-корреспондент Академии наук

Друзья полей и садов

Много интересного и поучительного можно узнать и увидеть и не в походе, а за околицей своего села и в своём саду. Надо только быть наблюдательным.

В июне смолкают птичьи песни. Птицам не до песен теперь: они хлопочут возле своих гнёзд, из которых выглядывают ненасытные жёлтые рты птенцов.

Присядьте на пенёк в лесу, не шевелитесь. Вот вспорхнула с ветки серенькая птичка, метнулась в воздухе вниз, вверх, вбок, щёлкнула клювом и снова уселась на ветку с пойманной бабочкой-капустницей в клюве. Птичка трясёт головой, оторванные белые крылышки капустницы плавно летят вниз. Это охотится серая мухоловка. За отставшей корой сухой осины в нескладно свитом гнезде её дожидаются шестеро голодных птенцов.

На земле под кустом, шурша прошлогодними листьями, возится чёрный дрозд, острокрылая ласточка пролетела высоко над лесом, набив рот мелкими комарами и мошками, дятел вдалеке стучит клювом-долотом по коре высохшей ёлки. Все они ищут корм для птенцов.

Пустельга.

Тем же заняты и обитатели вашего скворечника, будь это скворец, мухоловка, пеструшка или воробей.

Расположитесь недалеко от гнезда или скворечника под кустом или в шалаше, чтобы не испугать птиц, и понаблюдайте за ними. Для наблюдения нужны блокнот, карандаш и часы. Хорошо иметь ещё и бинокль.

Вот самка прилетела к гнезду. В клюве у неё громадная зелёная гусеница. Записывайте скорее, замечайте время. У гнезда самец, у него в клюве жук. Каждые две—три минуты новая гусеница, бабочка или жук. И так птицы работают от зари до зари, в жару и в непогоду. Сколько же насекомых принесут птички за долгий летний день? Посидите час или два и подсчитайте. Проверьте, где и чем кормятся птицы, далеко ли они летают за кормом. Наблюдения расскажут вам много интересного о наших пернатых друзьях.

* * *

Вы все, конечно, его видели. Он парит высоко в весеннем небе на своих могучих крыльях, веером распустив широкий хвост. Вы, наверно, слышали и его далеко разносящийся над полями резкий протяжный крик: «Кияй, кияй!».

Иногда его называют ястребом, в других местах—коршуном, но настоящее его имя—сарыч.

Когда эта бурая птица величиною с хорошую курицу сидит на стогу или на одиноком дереве посреди поля, сгорбившись, втянув голову, кажется, что она дремлет.

Кобчик.

Сарыч.

Но вдруг, словно внезапно очнувшись, сарыч стремительно планирует вниз, неуклюже подпрыгивает и подымается в воздух с мышью в когтях. За день сарыч съедает не меньше пяти мышей. Сколько же этих нахлебников он переловит за лето!

Невысоко над полем летает маленький, с голубя, рыженький хищник. Иногда, трепеща крыльями, он останавливается в воздухе, словно подвешенный на невидимой нити. Это маленький сокол-пустельга охотится на мышей и крупных насекомых.

В обществе пустельги нередко можно увидеть аспидносерого, с красно-рыжим брюшком кобчика. Он тоже ловит мышей. Истребителей сусликов — орлов — легко узнать по размерам, коршуна — по вильчатому хвосту, а полевого луня — по цвету. Он почти белый, это про него говорят «седой, как лунь». Летает он над самой землёй, чуть не цепляя крылом за травинки.

Почти все наши птицы с крючковатым клювом и острыми когтями — не враги, а друзья человека (кроме двух ястребов: перепелятника и тетеревятника, — да ещё болотного луня).

Поставьте трёхметровые шесты с перекладиной наверху (2 — 3 шеста на гектар) на полях вашего колхоза. С этих наблюдательных пунктов хищники и будут подстерегать свою добычу.

Днём вы увидите на них сарычей и пустельг, а ночью сюда будут прилетать совы.

Под шестами появятся погадки — продолговатые комочки из непереваренных и отрыгнутых птицей остатков пищи: из костей и шерсти мышей. По погадкам можно подсчитать, сколько мышей поймали и съели птицы на вашем поле за день, за неделю, за всё лето.

Запишите как можно подробнее все ваши наблюдения, подробно опишите хищных птиц, живущих в вашем крае, укажите место и время наблюдения и пришлите ваши записи по адресу: ст. Болшево, Ярославской железной дороги, деревня Бурково, Болшевская биологическая станция МГУ.

Орёл.

Лунь.

К. Н. Благосклонов,
научный сотрудник Болшевской биостанции МГУ.

В поход, ребята!

А. Некрасов

Вы, конечно, давно решили, зачем, куда и когда пойдёте. План похода составлен, маршрут разработан, и по карте вы уже, наверно, не раз вдоль и поперёк исходили район вашего будущего путешествия.

Осталось собраться—и... в путь!

Но пока есть время, проверьте ещё раз, готовы ли вы к походу.

Что брать

Лишний груз за плечами — страшный враг туриста. Но самый неприятный груз — плохие отметки. От них обязательно нужно избавиться в первую очередь.

А вот об остальном снаряжении придётся подумать. Ведь мало ли что может понадобиться в походе!

Если всё под ряд брать,— этак и на коне не увезёшь, а если пойти совсем налегке, с пустым мешком, может случиться, что какую-нибудь очень нужную вещь оставишь, а потом без неё наплачешься.

Чтобы ничего не забыть и не набрать лишнего, есть такой способ: каждый заводит отдельный списочек и записывает туда всё, что может понадобиться,— фонарь, тёмные очки, непромокаемая баночка для спичек, мазь для обуви... всё, что вспомнишь, записывай под ряд. Бояться нечего: чем больше вспомнишь, тем лучше.

А потом, когда соберётесь все вместе, звеном или отрядом, зачитайте и обсудите все эти списки и тут уж безжалостно вычёркивайте всё, без чего можно обойтись. Когда окончательно утвердите список нужных вещей в походе, распределите снаряжение так, чтобы у каждого участника похода, кроме личных вещей, был какой-то общественный, звеньевой или отрядный груз. И лучше, если до похода каждый будет хорошенько знать, что́ он должен нести и за какое имущество должен отвечать в походе. Без этого бывает иногда, что на первом привале забывают и теряют походное имущество.

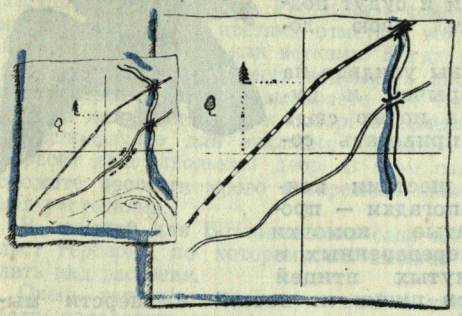
О картах

Подумайте о картах. Хорошо, конечно, если удастся достать настоящие, готовые карты. Но на это особенно рассчитывать не приходится. Поэтому лучше заготовить копии карт.

Проще всего перечертить карту на прозрачную бумагу. Если нет такой бумаги, можно положить

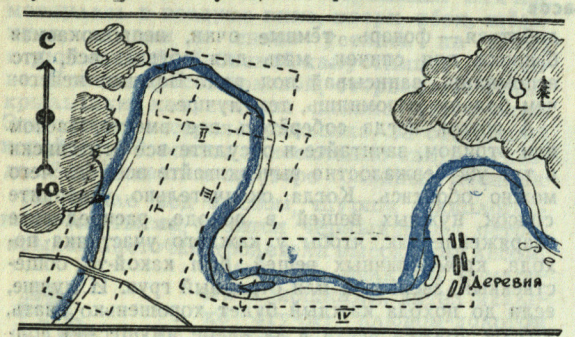
карту на стекло, сверху на неё положить простую белую бумагу, а снизу пристроить зажжённую лампочку.

Есть ещё один способ копировки: ваткой, смоченной в бензине, провести по бумаге. Она сразу



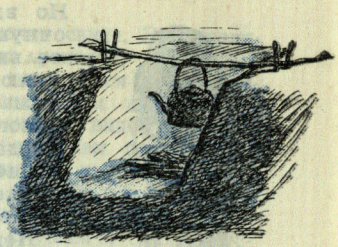
станет прозрачной, и на неё можно скопировать карту карандашом. А когда бензин высохнет, карандашные линии можно обвести тушью. Очень полезно заготовить маршрутную ленту—схематическую карту, на которой нанесена только узкая полоса местности километров на пять—десять в обе стороны от дороги или от реки, по которой пойдёт поход. А так как дорога и река часто делают повороты, приходится вычерчивать схемы на отдельных полосках и потом наклеивать их на одну длинную ленту. При этом непременно нужно на каждой отдельной полоске указать стрелкой направление меридиана. Иначе такую ленту очень трудно будет ориентировать на местности по компасу.

Для тех участков, где вы намечаете какие-нибудь специальные исследования или работы, полезно заготовить планшеты крупного масштаба. Проще всего увеличить карту «по кресту», как показано на рисунке. На готовые схемы-планшеты будете наносить нужные подробности.



О кострах

Ещё раз подумайте о кострах. Как будто дело знакомое, но далеко не каждый сумеет зажечь костёр на ветру или в дождливую погоду.



Самое важное в этом деле, — не торопясь, аккуратно уложить растопку (бересту например), а над ней построить маленький шалашик или колодец из самых тоненьких сухих щепочек или веток. Над этим шалашиком строится другой, из щепок, потолще, а затем уже укладываются более толстые дрова. Такой костёр разгорается сразу.

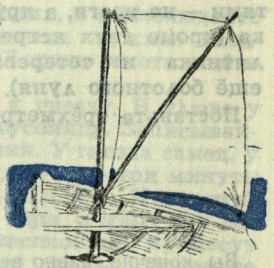
Если дров у вас мало, вместо костра для приготовления пищи постройте простой очаг. Его можно очень быстро выкопать в земляном откосе.

Очень хороший очаг получается из плоских камней или кирпичей. Такой очаг горит в любую погоду и требует очень мало дров.

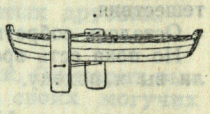
Парус

Если собираетесь плыть куда-нибудь на лодках, непременно сделайте парус. Любая лодка может идти под парусом под углом к ветру (в лавировку), нужно только приспособить её для этого.

Самый простой лавировочный парус можно сделать из простыни, из полы палатки и даже из одеяла. На рисунке видно, как делается этот парус, а называется он «шпринтовый».



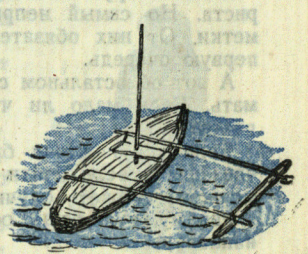
Чтобы лодку не сносило в сторону при большом ветре, нужно сделать «шверцы» из двух широких досок, а вместо руля приспособить весло. Любая лодка с таким приспособлением пойдёт с боковым и даже с противным ветром.



Не увлекайтесь только размерами паруса. Лучше неспеша плыть с маленькими парусами, чем стремительно переворачиваться с большими.

Если вам достанется очень неустойчивая лодка, приделайте к ней вот такое приспособление.

Лодка будет выглядеть немного странно, но зато на неё можно ставить большой парус и она не перевернётся.



Маршрутная лента.

ПИОНЕРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Ю. Сотник

Мы подошли к запертой двери, на которой висела табличка: «Краеведческий музей».

Обычно, когда я слышу слово «музей», мне представляются анфилады строгих, холодных зал, стеклянные витрины, надписи «Руками не трогать» и какая-то особенная тишина.

Старший пионервожатый Рэм Тегны повернул в замке ключ. Мы вошли. Попав сюда из полутёмного коридора, я невольно зажмурился от яркого солнца, светившего сквозь большие окна. Чего-чего, а «музейной» тишины здесь не было и в помине. В ушах моих раздавалось какое-то чирикание, посвистывание.

— Осторожно!—вскрикнул вожатый.

Я замер с поднятой ногой. От меня неуклюжей рысцой убегал ёж; он убежал под стол и свернулся там в клубок.

Возле окна, от пола до потолка, возвышались две просторные клетки. В каждой из них стояло небольшое сухое деревцо. В одной из клеток порхали и распевали на разные голоса чечётка, воробей и две синицы, в другой прыгала белка. Вожатый открыл дверцу клетки, и зверёк выпрыгнул на стол, перелетев по воздуху метра два.

Рэм протянул горсть подсолнухов. Белка уселась перед ладонью, как перед обеденным столом, и принялась лущить семечки, далеко выплёвывая кожуру.

На залитых солнечным светом столиках у окон среди горшков с живыми цветами стояли четыре аквариума, и там, в зеленоватой от водорослей воде, поблескивали чешуёй караси и другие представители фауны речки Яузы, которая протекает недалеко от школы. Пространство между двойными рамами окон было посыпано песком и сухими листьями. Из-под листьев торчали хвосты серых ящериц, у которых ещё не кончилась зимняя спячка. Всё это вместе с коллекциями бабочек, жуков и прочих насекомых составляло зоологический отдел музея, и всё это являлось только маленькой частью того великого множества разнообразных вещей, которые заполняли эту большую светлую комнату.

Вот отдел «Природа и экономика Сокольнического района». Этот район—родной для ребят 374-й школы. И отдел, посвящённый ему,— самый большой в музее. Он занимает целую стену и сплошной ряд столов, протянувшийся вдоль этой стены. Тут и план района, и топографические карты отдельных его частей, изготовленные руками учеников, и образцы изделий, которые выпускают заводы и фабрики района, и экспонаты, наглядно показывающие процесс производства, и коллекции насекомых, и гербарии, собранные в Сокольническом парке и в заповеднике Лосиного острова.

...Белка уселась перед ладонью, как перед столом,

Много в музее рисунков, фотографий и схем, рассказывающих о далёком прошлом, настоящем и будущем Москвы. Чертежи, макеты дотов, траншей, образцы мин и снарядов, ржавый немецкий шлем напоминают нам о великой битве за советскую столицу, о суровой зиме 1941—1942 года.

Но самое интересное в этом маленьком музее заключается в том, что все собранные здесь коллекции, макеты, чертежи и рисунки рассказывают нам об увлекательной деятельности юных исследователей и путешественников, которыми славится школа.

Эта деятельность не прекращается и зимой, во время учебного года, но она становится особенно интересной летом, когда десятки учеников школы вместе с вожатыми и педагогами пешком, на велосипедах или в лодках отправляются в походы и экспедиции.

Я встречал людей, которые побывали в самых далёких странах, но которые не могут рассказать ничего интересного о своих путешествиях. Когда слушаешь таких людей, тебе кажется, что они ездили с закрытыми глазами. Такие люди не умеют наблюдать. Из них никогда не выйдет исследователей. А есть люди, которые на лужайке перед своим домом могут сделать множество интересных и ценных наблюдений. Вот это подлинные исследователи!

Недалеко от школы протекает речка Яуза. Она начинается за городом Мытищи и впадает в Москву-реку недалеко от Кремля. Исследовать эту речку предложил ребятам профессор Московского университета Борис Павлович Орлов, которого пригласили на сбор пионеры первого отряда.

Эта маленькая речка течёт по самым населённым местам Московской области, она с детства знакома каждому москвичу. Но спросите вы любого москвича: где точно находится исток Яузы? Какая фауна населяет

её воды? Какова скорость её течения? Каково строение берегов? Немногие смогут ответить.

Вскоре после начала летних каникул первый отряд выступил в поход. Вернее, это был не поход, а настоящая научно-исследовательская экспедиция, тщательно подготовленная ещё во время учебного года, со строгим распределением обязанностей между её участниками. Возглавлял экспедицию председатель совета отряда Лёня Константинов. В качестве научного консультанта с экспедицией отправилась преподавательница географии Зоя Васильевна Михайлова.

Медленно, то и дело останавливаясь, шли с самодельными планшетами для глазомерной съёмки топографы. Они заносили на карту каждый изгиб реки, каждый лесок, строение или болото на её берегах. Носились с сачками энтомологи, охотясь за насекомыми, летающими возле речки, ботаники собирали растения. Тридцать пять человек участвовало в походе, и у каждого было по горло дела.

Маленькая речушка Яуза — всего около восьмидесяти километров в длину,— но для того, чтобы исследовать её, потребовалось в общей сложности восемнадцать дней. Ночевали в лесу, у костров, на сеновалах в окрестных селениях, иногда уезжали поездом в Москву, отдыхали, запасались продовольствием и, вернувшись на речку, снова продолжали свой путь с того места, где он был прерван.

Течёт речка по населённым местам, где на каждом шагу деревни и рабочие посёлки, но сколько выдумки и упорства пришлось проявить нашим исследователям, сколько приключений довелось им пережить, прежде чем они добрались до её истоков!

Однажды экспедиция ушёрлась в болото. Оно начиналось от самых берегов Яузы и уходило на несколько сот метров в стороны от неё. Большинство путешественников решило идти в обход, но топографы Лёша Надольников и Игорь Рассохин запротестовали:

— Прервать съёмку? Ни за что! Мы пойдём прямо!

Топографы стали прыгать с кочки на кочку, а остальные ребята двинулись в обход, не переставая издали наблюдать за ними.

Скоро Лёня Константинов заметил, что оба топографа стоят на месте среди болота и усиленно размахивают руками.

— В чём дело? Что у вас там?

— Помогите!—донеслось из болота.

Среди участников похода началось волнение:

— Топографы увязли!

— Выручай топографов!

Притащили шесты и хворост, с кочки на кочку перекинули мостики и выручили топографов.

И вот теперь в школьном музее хранится карта берегов реки Яузы, выполненная на восьми больших листах. Здесь же сообщаются все данные о глубине и ширине реки, о скорости её течения в различных местах, здесь же можно увидеть гербарий растений, собранных на её берегах, коллекции насекомых и образцы геологических пород. Рядом со всем этим лежат хорошо оформленные папки с докладами участников похода: «Гидрология реки Яузы» Кости Королёва, «Животный мир на Яузе» Саши Ромашина,—работы о растительном мире, доклады о торфяных разработках у истоков Яузы и о применении торфа в промышленности и сельском хозяйстве.

Пока первый отряд путешествовал по Яузе, не сидели дома и пионеры других отрядов. Больше ста километров прошли пешком пятнадцать мальчиков во главе с преподавателем Петром Георгиевичем Крыловым. Они шли по переднему краю обороны Москвы, по местам исторических боёв, в результате которых немцы потерпели своё первое крупное поражение. Ребята записывали рассказы местных жителей о происходивших здесь событиях, исследовали сохранившиеся траншеи, доты, блиндажи, собирали предметы, оставшиеся на полях сражений. Все материалы об этом походе тоже хранятся в музее.

Другие ребята побывали на заводах и фабриках своего района.

Многие из вас, читателей, носят в сырую погоду калоши, но едва ли кто-нибудь задумывается над тем, сколько самых различных материалов пошло на ваши калоши.

Я сфотографировал экспонаты, которые появились в музее после экскурсий. Вот десятки пробирок с сырьём и различными химическими продуктами, употребляемыми для производства калош на заводе «Красный богатырь». Справа вы видите витрину с заготовками из материи и резины, из которых

Эти экспонаты появились в музее после экскурсии на заводы и фабрики своего района.

склеивается калоша. Над витриной висит схема, показывающая, как обрабатываются сырьё и полуфабрикаты на заводе «Красный богатырь», постепенно превращаясь в готовую продукцию.

Делал витрины Коля Шугаев из шестого класса.

Все эти походы были в прошлом году. Этим летом деятельность юных исследователей будет ещё шире, ещё интереснее.

Пока я разглядывал музей, сюда вошли три мальчика: Игорь Шеин, Коля Шугаев и Боря Костовецкий. Вооружившись инструментами, кусками тонкой резины и резиновым клеем, они принялись ремонтировать старую, потрёпанную байдарку, стоявшую среди комнаты. Летом девять таких байдарок с восемнадцатью гребцами отправятся в плавание по реке Клязьме до старинного города Владимира. Ребята будут изучать исторические места и нанесут на старую карту те изменения, которые произошли на этой реке за годы сталинских пятилеток.

...Вооружившись инструментами и резиновым клеем, ребята принялись ремонтировать байдарку.

Из Суздаля, из Новгорода Великого плавали по рекам наши предки торговать с азиатскими народами на Каспий. Из северных рек, впадающих в Балтийское море, им приходилось волоком тащить свои суда до рек, текущих на юг. Давно установлено, что один из таких волоков находился где-то в районе города Волоколамска, но где именно он пролегал, точно неизвестно. Велосипедисты 374-й школы отправятся в большой поход на поиски волока Ламского.

Десятки других ребят — малышей и старшеклассников — тоже отправятся в походы и на экскурсии. Они сшили рюкзаки, приготовили удочки, сачки, компасы, папки для гербариев и коробки для коллекций.

Осенью школьный краеведческий музей обогатится новыми экспонатами.

З М Е Й

Юрий Яковлев

Над полем,
Над рощей,
Над песней,
Над синей озёрной водой
Уходит мой змей в поднебесье —
В широкий простор золотой.

Холодным,
Высотным дыханьем
Встречают его облака.
Зелёной земле на прощанье
Он машет оттуда слегка.

Всё выше,
Всё выше,
Всё выше —
И кончилась вся бичева!
Видна ему каждая крыша,
И как на ладони Москва.

И, кажется,
Он доберётся
До дальних, невидимых звёзд.
И, кажется,
Солнца коснётся
И вспыхнет разветренный хвост.

Когда-нибудь
Я в поднебесье
Машину водить научусь.
Над полем,
Над рощей,
Над песней
Я выше, чем змей, поднимусь!

Но нынче
Рука не устала
Тугую держать бичеву...
Наверно, когда-то и Чкалов
Свой змей запускал в синеву.

МОСКОВСКИЕ ПИОНЕРЫ

ПОДШЕФНОМУ КОЛХОЗУ

Эти снимки сделаны в Доме пионеров Москворецкого района Москвы. Здесь, в многочисленных кабинетах, лабораториях и мастерских, занимаются десятки юных техников, рукодельниц, художников, юннатов. Сейчас они увлечены большой, очень полезной работой: они готовят подарки для колхоза «Новый мир», Серебряноприудского района, над которым шефствует Дом пионеров.

Тысячи книг для избы-читальни. Таков один из подарков, который решили преподнести пионеры района своим сельским друзьям. На верхнем левом снимке вы видите Наташу Федутинову — дежурную по сбору книг. Перед ней на столе принесённые ребятами томики стихов Пушкина, Лермонтова, рассказы Льва Толстого, книги советских писателей, учебники.

Юные радисты Дома пионеров строят для колхоза два многоламповых радиоприёмника. За сборкой одного из таких приёмников мы сфотографировали Игоря Ремоненко и Валерия Куранова.

Недалеко от колхоза расположен детский дом, в котором живёт много ребят, потерявших отцов и матерей во время Великой Отечественной войны. Над ними также шефствуют пионеры Москворецкого района. Скоро комнаты детского дома украсятся множеством вышитых скатертей, ковриков, подушек и панно. Их готовят Маргарита Молченова, Тамара Гордеева, Лариса Гошкина и другие девочки из кружка художественной вышивки.

Авиамоделисты поедут к подшефным ребятам со своими подарками. Они отвезут туда модель самолёта и так называемые комнатные модели, то есть модели, которые можно запускать в закрытом помещении.

Лучшим специалистом по таким моделям в Доме пионеров по праву считается Вова Канашев. Модель, с которой он сфотографирован, заняла первое место на всесоюзных соревнованиях комнатных моделей, проводившихся в этом году. Она продержалась в воздухе 2 минуты 46,6 секунды.

Фотоочерк М. Бугаевой

Наш родной город

Общий вид раскопок на Ярославовом Дворище.

До войны я никогда не задумывался над тем, в каком замечательном городе я живу. Правда, тогда я был ещё очень мал. Но когда мы вернулись в Новгород после эвакуации и я увидел развалины домов и груды мусора, там, где раньше были улицы, у меня больно сжалось сердце. Только зубчатые кирпичные стены и белые здания Кремля попрежнему гордо стояли над Волховом. Немецкие снаряды снесли крыши, пробили купол древнего Софийского собора, но разрушить Кремль не смогли. Немцы хотели увезти с собой знаменитый памятник тысячелетия России, разобрали его, но фигуры памятника так и остались лежать на снегу. Наши войска ворвались в город и прогнали немцев.

Я видел, как бойцы и рабочие восстанавливали памятник. Один боец сказал ребятам:

— Наш Новгород — самый древний город. Отсюда «есть пошла русская земля». Всё вокруг — стены, дома, башни — памятники великой русской истории. Даже в земле, у нас под ногами, следы прошедших веков людского труда и жестоких битв. Я и мои товарищи тоже вошли в историю — мы воевали за Новгород. И вы войдёте, когда заново построите Новгород. Любите же свой город, изучайте его историю.

Я тогда не всё понял из того, что он сказал. Но как-то летом прибегают ко мне ребята из нашего класса и говорят:

— Идём скорее.

Мы побежали на Ярославово Дворище. Это двор и дом, построенные князем Ярославом Мудрым в XII веке. Там, на берегу Волхова, уже несколько недель шли раскопки. На глубине 60 сантиметров нашли остатки торговых ларей, а в одном месте целый склад горелого зерна. Стали копать глубже. Нашли много черепков от глиняных кувшинов — здесь была когда-то торговля маслом. Ниже шёл слой битого кирпича, а ещё ниже наткнулись на деревянный сруб с крылечком. На полу сруба было много кожаной обуви. Она вся погнила, развалилась, но всё-таки видны были загнутые вверх носки по моде XII века. С левой стороны сруба лежали деревянные трубы. Это толстые брёвна, выдолбленные внутри и обёрнутые берестой. Нам объяснили, что это трубы для стока вод, которые здесь выступают из-под почвы. Рядом со срубом с правой стороны — обгорелые колья изгороди. За изгородью, на деревянном полу, лежали полусгнившие кожи. Подле изгороди стояла бочка, трубой соединённая с колодцем. Сотрудники музея сказали, что, вероятно, здесь в XII веке была кожевенная мастерская. В бочке мочили кожи, а на полу их сушили. Под срубом колодца тоже обнаружили деревянные трубы. По ним шла вода из Волхова. Такой был тогда водопровод. В Европе тогда ещё не знали водопровода, а новгородцы у себя построили.

Всё это было так интересно, что мы каждый день стали ходить на раскопки. Здесь нашли ещё связки тоненьких косточек. Зоологи сказали, что это лапки белок. Оказывается, в XII веке были

очень модны украшения из нашитых на одежду лапок белок. В этой мастерской их, вероятно, выделывали.

Меня очень заинтересовал вопрос: почему же все эти строения оказались под землёй? Неужели их кто-то нарочно засыпал? Оказывается, там, где долго живут люди, образуется «культурный слой земли». Проходят войны, пожары, разрушаются здания, их постепенно засыпает мусором, слой земли растёт. А под ним сохраняются следы прежней жизни.

А сколько раз я ходил по земле и даже не думал, что там что-нибудь есть под моими ногами. И ещё я подумал, что, может быть, через много веков, на том месте, где были дома, уничтоженные немцами, будущие историки раскопают предметы, которые расскажут им о нашей жизни и о битвах.

Осенью, когда начались занятия, я сказал о раскопках нашей учительнице истории. Она задумалась, а потом спросила:

— А кто ещё из наших ребят интересуется историей? Можно организовать кружок.

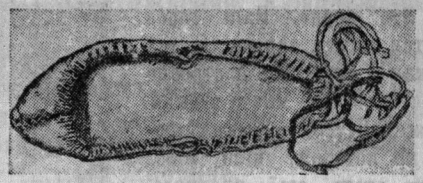
В кружок записалось 15 человек. Заниматься с нами стали сотрудники музея.

В музее мы увидели драгоценные серебряные чаши искусной чеканки, церковную утварь, старинные иконы, расшитые жемчугом одежды князей и епископов, огромные, в пуд весом, евангелия, написанные в те времена, когда только создавалась русская азбука. Мы трогали руками ржавые кольчуги псов-рыцарей и их шлемы. Подумать только: эти вещи были на Чудском озере при Ледовом побоище! Мы держали в своих руках каменные топоры и наконечники стрел древних ильменских славян. Эти предметы нашли в курганах. В одном кургане была похоронена женщина с серпом в руках. Она жила в IX веке.

Мы научились узнавать, к какому времени относятся разные монеты. До XV века на Руси были в ходу гривны — тяжёлые слитки в палец длиной, а потом стали делать маленькие тонкие серебряные монеты с изображением князя. У нас в Новгородской Грановитой палате, где помещается фонд музея, хранятся полные мешки таких монет, новгородских и московских. Грановитую палату построили в XV веке.

Мы осмотрели древний Софийский собор. Его построили византийские мастера при князе Владимире, в 1052 году. Кирпичи тогда были не такие, как у нас, а широкие и тонкие. Их скрепляли толстым слоем цымянки — известкового раствора с толчёным кирпичом. В стенах много

Кувшин XIII века, найдённый на дне могилы.



Поршни — обувь XV века. Такая обувь была найдена при раскопках.

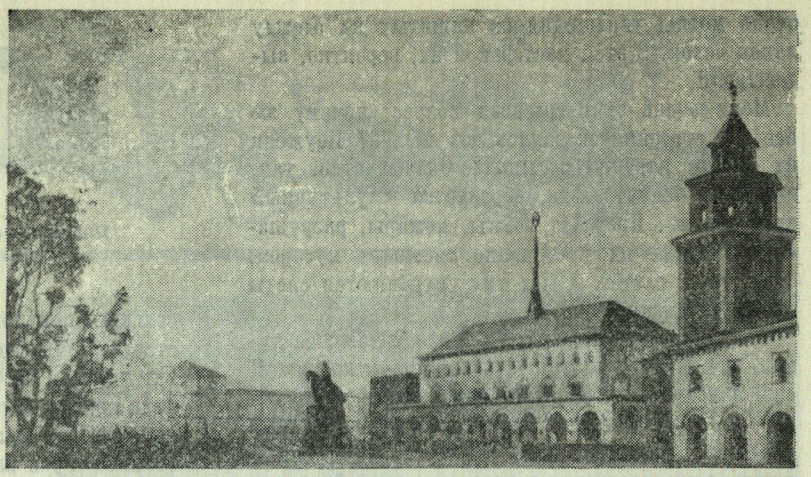
больших валунов и камней. Прочные получались стены. Немецкие снаряды в двух местах пробили их, но храм не разрушился. Купол, который разбили немцы, когда-то был позолочен. Это был первый золотой купол на Руси, и отсюда пошло название «Русь златоглавая». Теперь храм восстанавливают. Привезли и знаменитые Магдебургские ворота. Вот их история. В 1195 году русские воины в битве с немцами захватили эти ворота и как трофей повесили над входом в Софию. Когда немцы в 1941 году заняли Новгород, они бросились в Софию искать ворота. Но ворота были увезены на восток. Так и не удалось немцам отобрать завоёванное русскими. Скоро ворота снова повесят над входом в Софию.

Много историй и легенд нам рассказывали из жизни вольного Новгорода. Мы узнали, как соперничали между собой в силе и богатстве посадские Мирошкиничи и Мишкиничи из рода того самого Мишки, что в Ледовом побоище убил оглоблей чуть ли не сто немцев; как собирались новгородцы по зову вечевого колокола и, не поладив, вцеплялись друг другу в бороды; как конь Ивана Грозного испугался удара в колокола на кремлёвской звоннице и стал на колени перед Новгородом, а за это грозный царь велел скинуть колокола на землю; узнали мы и о Петре, замечательном новгородском зодчем XII века, который без чертежей и без плана, просто наглаз построил два величественных храма в Юрьевом и Антониевом монастырях, которые стоят и до сих пор. Когда я читаю теперь былины, то я понимаю, почему они возникли, и знаю, что в основе их лежит настоящая правда.

Мы с ребятами решили издавать журнал. Летом мы будем участвовать в раскопках, обойдём городской вал, побываем в старинных монастырях, поедем в Боровичи — там поблизости сохранился дом Суворова. Обо всём, что мы найдём и увидим, мы напишем в свой журнал.

А наши девочки — Ира Королёва и Ира Лукашина — сказали, что мы должны заниматься не только историей прошлого, но изучать и настоя-

щее. Это верно. Наш город строится почти заново. С тех пор, как я приехал, построено и восстановлено много зданий. Академик Щусев составил проект, по которому наш город должен стать ещё красивее, чем был прежде. Дома будут у нас невысокие, чтобы не закрывать вида на Кремль, но очень красивые, в старинном русском стиле. Мост через Волхов будет разводной, чтобы пропускать большие суда; повсюду будут деревья, вокруг Кремля разобьют парк, на Волхове построят водную станцию, за городом выстроят два стадиона, а на площадях поставят статуи Ленина, Сталина и Александра Невского.



Проект здания Облисполкома на главной площади Новгорода. Творческая мастерская академика архитектуры А. В. Щусева.

Мы всё это видели на плане и хорошо себе представили, каким будет Новгород через пять лет. Его построят сами новгородцы, будем строить и мы, когда кончим школу.

В своём журнале мы решили писать о каждом новом доме, о каждой улице, чтобы сохранилась история о том, как наново строился наш древний город.

Юра Модягин,
староста кружка любителей истории, ученик 8-го класса 1-й средней школы Новгорода.

В Зелёной гавани

Однажды все ребята нашего отряда получили записки такого содержания: «Приходи сегодня, в 4 часа, в пионерскую комнату. Не придёшь — пожалеешь. О записке никому не говори».

В 4 часа, без минутки опоздания, весь отряд 6-го «Б» класса прибыл в условленное место. Только не было председателя совета отряда и вожатого. Но вот появились и они. Председатель совета отряда отрапортовал:

— Товарищ вожатый! 6-й отряд собрался для обсуждения плана путешествия.

Путешествие! Вот это здорово!

— На сколько дней? Куда? Что брать с собой? Вопросы так и сыпались.

— Мы едем по каналу Волга—Москва, в Зелёную гавань, на два дня. Это нам премия за то, что отряд хорошо работал.

Скоро всё было решено.

Отряд выезжает через неделю, а перед этим пять наших разведчиков обследуют местность, составят карту и доложат штабу похода о своих наблюдениях. Они же выберут место для ночёвки и приготовят хворост и ветки для костра и шалаша.

Все обязанности были строго распределены: один отвечает за костёр, другой — за шалаш, третий — за гербарий, четвёртый — за спортивный инвентарь и т. д.

Через два дня вернулись разведчики. Тем временем закончились наши сборы — закупка билетов, проверка снаряжения.

Наконец мы готовы. Пароход у пристани, и наш отряд уже взбирается по трапу на палубу. Километров восемнадцать мы ехали пароходом, затем слезли и дальше шли лесом, по компасу. По дороге собирали интересные растения, ловили насекомых, определяли, к какому классу и отряду они относятся. На стоянке мы быстро развели костёр, сделали шалаш, и кашевары стали готовить ужин.

Футболисты и любители волейбола моментально затеяли игры, а зоологи и ботаники отправились на поиски добычи.

Мы не заметили, как наступила ночь. Спали в шалашах.

Следующий день был таким же весёлым и интересным. После обеда мы тронулись в обратный путь.

Мы рассказали другим отрядам о нашей поездке. Теперь все мы думаем, куда поедем ещё.

Слава Ворущенко,
ученик 6-го класса 538-й школы Москвы.

Поход в колхоз «Пятилетка»

На одном из отрядных сборов у нас возникла интересная мысль — провести беседу в ближайшем колхозе. Всем очень понравилась эта идея, мы сговорились с колхозом и стали готовиться к выезду. Достали проекционный фонарь, диапозитивы, выделили докладчика, дежурных.

Накануне отъезда мы провели «генеральную репетицию». Всё оказалось в порядке. Доклад Клавы Стрельниковой «О происхождении человека» был очень интересным, его похвалила наша учительница по биологии.

Вечером 7 апреля наша бригада собралась на детской технической станции и отсюда, нагруженная узлами с костюмами, проекционным фонарём и другими вещами, направилась за город—в колхоз.

Ещё издали заметили нас колхозные ребята и провели в школу.

В небольшой учительской комнате, выходящей в класс, мы установили проекционный фонарь.

Скоро стали собираться колхозники. Класс еле мог всех вместить.

Доклад начался...

«...Не зная законов природы, не зная её развития, люди не могли разгадать тайну своего происхождения. Создавались легенды и сказки...»

И Клава рассказывала о том, как представляли происхождение человека в древности, о взглядах учёных далёких веков, об открытии великого английского учёного Чарльза Дарвина.

Вдруг погас свет. На стене классной комнаты неожиданно для всех показалась огромная амёба, за ней морские животные, напоминающие рыб,— земноводные звероящеры, давшие начало млекопитающим. Потом на экране появились высшие породы человекообразных обезьян (гиббон, оранг-утан, горилла, шимпанзе) и найденные при раскопках кости предков человека.

После доклада мы устроили небольшой концерт. Колхозники остались очень довольны нашим посещением, а председатель колхоза Павел Прокопьевич Баскачёв сказал:

— Какие всё-таки молодцы наши советские школьники! Они растут, получают в школе хорошие знания и умеют так понятно передать их. Большое спасибо вам, пионеры! Милости просим пожаловать к нам с ковыми докладами.

В следующий раз мы обещали рассказать о солнце, о луне, о звёздах, а члены химического кружка поставят несколько занимательных опытов по химии.

Тоня Соловьёва,
80-я школа Черепановского района, Новосибирской области

На берегу реки Уфимки раскинулся туристский лагерь уфимских пионеров. Каждый день ребята отправляются бродить по окрестностям Уфы. Они изучают местность, купаются, загорают, удят рыбу.

Вот тут, на снимке, вы видите пионеров из этого лагеря. Они пришли в гости к ребятам соседней деревни и прямо на зелёной лужайке на берегу реки устроили для них концерт.

БЕСЕДА ВОЖАТОГО

Не одно поколение ребят вырастили и воспитали пионерские отряды под руководством комсомола.

Многими из них гордится весь советский народ: они стали мужественными и смелыми героями-патриотами, защитниками Родины, талантливыми строителями новой жизни.

Заботясь о пионерах, Центральный Комитет ВЛКСМ принял постановление «Об улучшении работы пионерской организации». Об этом, ребята, вы, вероятно, уже читали в «Пионерской правде».

Как же надо работать и жить пионерам? Какие ставить перед собой цели и задачи?

Комсомол хочет, чтобы пионерская организация была дружной, крепкой, сплочённой. В коллективе — великая сила. Там, где люди работают дружно и сплочённо, они совершают чудеса, они изменяют течение рек, они превращают пустыни и болота в сады, они побеждают вечный холод Севера, соединяют водными дорогами моря.

Пионерский коллектив — ваша первая школа полезной работы для родной страны. Ведь вам, ребята, предстоит продолжать дело отцов, побеждать природу, возводить грандиозные стройки, чтобы наша страна становилась всё сильнее, богаче, счастливее.

Ленинский комсомол хочет, чтобы вы, пионеры, уже теперь готовили себя к великим и благородным делам, которые вас ожидают, когда вы станете взрослыми гражданами Советского Союза.

Развивайте в себе черты характера, необходимые для этого: энергию, настойчивость в выполнении трудных дел, бодрость, смелость, ловкость и выносливость, аккуратность, трудолюбие и дисциплинированность.

Каждый из вас должен служить примером для остальных школьников в учёбе и дисциплине, активно работать в своём отряде и звене. Этого ждёт от вас комсомол.

Центральный комитет ВЛКСМ в своём постановлении заботливо коснулся всех сторон деятельности пионерской организации, обдумал и наметил всё необходимое, чтобы в дружинах, отрядах и звеньях кипела увлекательная, весёлая и яркая пионерская жизнь.

Сегодня мы расскажем о том, что нужно делать звену — самому маленькому пионерскому коллективу, но в то же время очень важному. Ведь большая часть вашей пионерской жизни проходит именно в звене. Здесь рождается множество интересных дел. Вся работа пионерской организации складывается из работы звеньев, как большой красивый дом из маленьких кирпичей, как раздольная река из вод, которые несут в неё быстрые и шумные ручейки.

Но если пионеры, объединённые в одно звено, сами не заботятся о том, чтобы у них шла живая, увлекательная работа, то это звено уже никак не похоже на весёлый ручеёк. Я расскажу вам про звено одного из отрядов города Мурома. Это были очень старательные и дисциплинированные, но недогадливые ребята. Правда, они все аккуратно посещали звеньевые сборы, аккуратно носили пионерские галстуки, быстро и точно, без шума и галдежа, строились на линейку, отдавали рапорт. Всё это, конечно, было очень хорошо. Но они не могли придумать, что же делать звену. Придумали однажды клеить альбом о героях-лётчиках. Разумеется, никто не скажет, что это плохо. Но вот альбом был готов. Чем теперь заняться? Думали, думали и наконец придумали: решили клеить альбом о стахановцах. Сказано — сделано, альбом готов. А дальше что? Решили сделать ещё альбом о полярниках. Ну, уж к этому времени они стали такими специалистами по альбомам, что оглянуться не успели, как испекли и этот. Так прошла зима, прошло лето, из пятиклассников они превратились в шестиклассников и всё клеили да клеили прилежно и дружно альбом за альбомом.

«Вот это — трудолюбие и организованность! — подумала я, придя в школу и увидев альбомный курган.— Да, такие ребята горы своротят! Воображаю, сколько они интересных дел переделать успели!»

Но я ошиблась. На мой вопрос о работе звена звеньевая Вера сказала:

— Мы клеили альбомы.

— А ещё что?

— Альбомы.

— А что вы будете делать дальше?

— Альбом про колхозы,— хором и без запинки ответило звено.

Меня очень удивило такое пристрастие к альбомам. Но, разговорившись по душам, я узнала, что никакого такого пристрастия нет. Больше того, ребята признались, что эти альбомы им уже до смерти надоели.

— Так зачем же вы их клеите?

— А что же ещё делать?

— Ну, что-нибудь другое, интересное, что все любят.

— Мы разное любим.

И ребята стали наперебой рассказывать.

«Разное» оказалось очень интересным. У одной из девочек возле дома сад. Зимой, когда он весь в снежных сугробах и кружевном инее, там строится снежная крепость и начинается «война», с разведкой, с пленными, с оглушительными очередями пулемётов, с грохотом фанерного танка.

Оказалось ещё, что со склонов лесистого оврага, который пересекает Муром, очень хорошо спускаться на лыжах между деревьями «змейкой». Там чуть не каждый день можно встретить пионерок из этого звена. Одна девочка даже снежный трамплин устроила и учится прыжкам.

Весной в том же овраге вздувается бурный ручей, и по этому ручью одна из пионерок пускала самодельные кораблики, и они плыли через весь город, до самой Оки, а там уходили в «океанское плавание». Другая девочка на том же ручье построила мельницу, которая здорово крутилась. Летом в овраге есть и земляника, и грибы, и цветы. Подумать только! Прямо в городе, в двух шагах от задней калитки собственного двора! Кое-кто из ребят играет здесь в Робинзона, или в диких индейцев, или в отважных путешественников по тайге. А дома, вечерами, звеньевая Вера мастерит модели самолётов. Правда, они почему-то не летают, но Вера всё же надеется добиться своего. Ну, а что касается чтения, так это любят все в звене. Каждый достаёт для себя много интересных книг, журналов, и у многих есть «Пионерская правда».

Ну, теперь вы, вероятно, сами видите, что я не зря назвала этих ребят недогадливыми. Ведь они могли бы и «Пионерскую правду» и интересные книги вместе читать, и поспорить о прочитанном, если мнения разойдутся, и мельницу вместе строить, и на лыжах в овраг спускаться, и за своими кораблями в «дальнее плавание» до Оки ходить, и в саду у Лиды воевать, и авиамодели делать (ум хорошо, а десять — лучше: может, модели стали бы летать, если бы не одной Вере, а всем звеном за них взяться). А разве не могли бы они научиться вышивать? В звене есть одна замечательная рукодельница! А как хорошо бы познакомиться получше с вериным папой, офицером-пограничником! Ведь он многое мог бы порассказать: он и в Отечественную войну воевал, и в Хасанских боях участвовал, и вообще всю жизнь охранял советские границы. Но девочки почему-то считали, что всё это делать звеном не полагается, и самое любимое делали дома, в одиночку, а в одиночку, как известно, ничего не получается так интересно, как в дружном коллективе.

Вокруг звена идёт жизнь — живая, интересная, в ней всегда есть к чему приложить пионерские руки. Владимир Ильич Ленин говорил в своей речи к делегатам III съезда комсомола, что комсомольцы должны всю свою деятельность, своё ученье и работу связывать тесно с интересами народа. Это относится и к пионерам. Кто из пионеров не мечтает о чести носить комсомольский значок, называться высоким именем комсомольца!

Вот и нужно уже сейчас, в пионерские годы, готовиться к вступлению в комсомол. Надо находить полезное для страны применение своим силам и энергии — такую работу, которая и вам по плечу и обществу нужна.

Служить родной стране—великая радость, и тысячи пионеров доказали, что они умеют делать это.

Всем известны эти простые, но нужные пионерские дела. Пионеры собирали сотни тонн металлического лома для наших заводов, помогали в полевых работах колхозникам, особенно во время войны, когда столько народа сражалось на фронте. В семьи фронтовиков они приносили свою заботу и внимание. Пионеры вели войну с сусликами и всегда были защитниками птиц, истребляющих врагов урожая. Ещё до войны пионерскими руками посажены сотни тысяч молодых деревьев. И сейчас, после войны, ребята снова горячо берутся за это замечательное дело: сколько садов, разрушенных войной, надо восстановить, сколько на-

до насадить новых, чтобы цвела и зеленела наша страна, чтобы румянились среди ветвей сочные душистые плоды!

Вот уже лето на пороге. Собирайтесь звеном в поход, идите в поле, в лес, пусть ничто не укроется от вашего пытливого и наблюдательного взгляда: ни лекарственные травы, ни материалы, годные для стройки, ни съедобные плоды и ягоды. Будьте разведчиками народного хозяйства!

В этих походах вы соберёте коллекции растений, насекомых, минералов и обогатите родную школу новыми наглядными пособиями. В этих походах вы научитесь лучше понимать красоту и богатство Родины.

Солнышко припекает горячо и ласково. Хорошо на речке! А все ли в звене умеют плавать? Нужно, чтобы все умели: это пригодится и в труде, и в бою, и на отдыхе. Пусть звено тренируется на речке, пусть хорошие пловцы звена учат плохих да и своё мастерство совершенствуют. А потом устройте соревнования с другим звеном. Можно устраивать соревнования и по другим видам спорта.

Для школьников лето — отдых, но ведь в то же время это горячая пора полевых работ. Предложите свою помощь взрослым. Например, присматривать за малышами, пока матери в поле, помогать в прополке, ворошить сено, охранять урожай, подносить снопы — да мало ли что ещё!

В перерыв почитайте вслух газету или выступите с небольшой самодеятельностью. Ведь хороший отдых удваивает силы.

Но, может, ваше звено проводит лето в городе? Тогда как обстоит дело у вас во дворах? Неужели вы будете терпеть, чтобы они были пыльными, грязными и неуютными? Прежде всего позаботьтесь о школьном дворе. Затем пусть каждый член звена сговорится с управдомом и ребятами своего двора, чтобы разбить цветник, устроить газоны, и пусть относится к этому, как к важному пионерскому поручению, которое должно быть во что бы то ни стало выполнено. Разумеется, в тот двор, где работа не спорится, придёт на помощь весь маленький дружный коллектив — звено. Сейчас самое время взяться за это ребятам, живущим в средней полосе и на севере.

Всего, чем может заняться звено, не пересказать в одной беседе. Зоркий пионерский глаз должен сам высмотреть, за что ещё приняться.

Конечно, и вожатый отряда, и старший вожатый, и председатель совета дружины, и учителя дадут вам хороший совет. Но от вас самих тоже зависит, чтобы в звене всем было интересно. Не забудьте секрет пионеров звена Юли Моисеевой из рублёвской школы, письма которых были напечатаны в прошлом номере «Пионера»: не устраивайте скучных сборов. Находите в окружающей жизни приложение своим знаниям, и вам не придётся жаловаться, что в звене нечего делать. Наоборот, тесным и коротким покажется вам день, до краёв наполненный увлекательными делами, весёлым отдыхом.

Е. Рубцова

Кросс в пионерском лагере.

Картина Ярослава Титова.

СТЕПИН ПИТОМЕЦ

В. Пистоленко **Рис. Г. Никольского**

В низинке, сплошь поросшей невысоким осинником, на ветвях которого уже распустились зелёные листики, стояла лосиха. Вытянув вперёд голову и навострив уши, она стояла неподвижно, только чёрные глаза беспокойно бегали от одного куста к другому. Лосиха прислушивалась. Её острый слух уловил новые шорохи и звуки, которых несколько минут назад она не замечала.

Не все шумы леса вызывали у лосихи беспокойство. Она могла спокойно стоять у кустов бересклета, откусывая молодые веточки и неторопливо пожёвывая их, когда слышала вблизи тихие, почти кошачьи шаги: знала, что это пробирается лиса; она не торопилась уходить, когда вблизи раздавался треск сучьев и тяжёлый топот: знала, это идёт на пастбище рогатый лось. Слегка принюхиваясь и прислушиваясь, она безошибочно угадывала и заячий поскок и мелкую рысцу барсука. Никто из этих обитателей леса ей не был страшен. Не боялась она также и человека, иногда подпускала его близко к себе а потом тихо, неспеша уходила в кусты.

Человек не делал ей зла. Больше всего лосиха опасалась волков. Правда, в другое время ей и волк был не очень страшен: её спасали быстрые ноги. Но сейчас она боялась всего, потому что недалеко от неё, в густых зарослях бересклета, лежал маленький, совсем ещё маленький лосёнок. Ему было отроду три дня. И он был настолько ещё мал, что лосиха-мать не решалась водить его за собой. Она время от времени подходила к детёнышу, он поднимался на слабые ножки. Мать кормила его, облизывала шершавым языком, потом снова уходила. Лосёнок ложился на мягкую траву, а она бродила вокруг, пощипывая свежую зелень кустарника, и то и дело останавливалась, прислушиваясь, не грозит ли опасность.

Уже несколько минут лосиха стояла не двигаясь и никак не могла понять, кто идёт невдалеке медленной поступью, пробираясь через заросли.

Вскоре из-за кустов показался невысокий бородатый в болотных сапогах человек. За спиной у него висело ружьё. Этого человека лосиха видела в бору несколько раз, иногда не дав себя заметить, иногда же, увидев его, продолжала пастись, готовая в любую минуту броситься в кусты. Он обычно, постояв на одном месте и записав что-то в книжечку, уходил сам. Но то было другое время.

Человек ещё не увидел её, и лосиха, нырнув в кусты, сделала небольшой круг и вышла почти сзади него. Она шла, совсем не остерегаясь, задевая ветки и ломая ногами сушняк.

— Ага, ты здесь, — сказал человек, увидев в нескольких шагах от себя лосиху. — Я так и знал.

Это был лесовод заповедника Богданыч, одомашнивший на своём веку немало лосей.

— Ну-ка, веди к детишкам, — сказал он и шагнул к лосихе.

Увидев, что человек идёт прямо на неё, лосиха бросилась бежать, но бежала неспеша и не среди густых зарослей, как обычно, а меж редких кустов, так что и она, чуть кося глаз назад, видела человека и он видел её. Потом остановилась. Подпустила на близкое расстояние и побежала снова. Потом опять остановилась. Так повторялось несколько раз.

Богданыч хорошо знал все повадки лосей. Он понял, что лосиха уводит его в сторону от детёнышей.

— Ага, хитришь,— улыбнувшись, протянул он и, достав из-за плеча ружьё, выстрелил вверх.

Гром выстрела словно подбросил лосиху, и она мгновенно исчезла в густом бору. А Богданыч снова закинул ружьё за спину и пошёл в обратном направлении, всматриваясь в следы на песке и приглядываясь к обгрызанным кустикам бересклета.

Скоро он добрался до того места, где лежал лосёнок. Вокруг зарослей было много лосиных следов. Внимательно вглядевшись в них, Богданыч заметил, что все они постепенно переходят в небольшую тропинку. По ней он вошёл в заросли и очутился на полянке. Перед ним стоял маленький, рыжий, очень похожий на телёнка лосёнок.

— Вот где ваш дом!— сказал Богданыч.

Он осмотрел всю полянку.

— Значит, ты один, а я думал, вас двое.

Лосёнок сделал шаг навстречу и жалобным голосом, напоминающим детский крик, несколько раз протянул «Ах-ах-ах». Так он встречал мать.

— Думаешь, мать пришла?

Богданыч погладил лосёнка под шеей, провёл ладонью по спине. Лосёнок поднял голову и мордой толкнул Богданыча в руку.

— Закусить хочешь? Это — дело. Заправься малость. Идти не очень близко.

Сегодня Богданыч вышел на поиски лосят, а поэтому у него в котомке было припасено всё, что нужно. Он достал пол-литровую бутылку с молоком, надел на её горлышко чёрную соску с надрезанным концом и поднёс её ко рту лосёнка. Тот не брал. Тогда Богданыч чуть разжал пальцами ему рот, вставил соску. Лосёнок сжал её губами, в рот потекло молоко, и он быстро, быстро зачмокал.

— Ага, дурашка, догадался!

Когда молока осталось меньше половины, Богданыч отнял бутылку. А лосёнок настойчиво толкал его, переступал с ноги на ногу, просил ещё.

— Понравилось? То-то.

Богданыч знал, что на первый раз давать больше четвертушки молока нельзя, и спрятал бутылку в котомку.

— Ну, Мишка, теперь пойдём.

Он совсем случайно назвал этой кличкой лосёнка, но она так и осталась за ним на всю жизнь.

Богданыч вынес своего пленника из зарослей, ещё раз погладил его рукой и пошёл. Лосёнок, осторожно передвигая ногами, побрёл следом.

Так маленький Мишка, не узнав ещё привольной жизни в бору, был взят из лесу и определён в лосятник заповедника, огороженный со всех сторон высоким и частым забором.

Богданыч занимался приручением лосей около двадцати лет — с самого начала существования заповедника «Сосновый бор»,—слава о нем, как об одном из лучших, опытнейших лосеводов шла далеко, но всё же он каждый раз волновался, когда шёл выслеживать лосят, зная, что не всегда поиски увенчиваются успехом. Сегодня ему сразу повезло, и он вернулся в заповедник очень весёлый.

У Богданыча был сынишка Стёпа, черноголовый вихрастый паренёк.

Когда отец утром уходил в лес, Стёпа чуть не со слезами просился с ним, но Богданыч, нередко бравший сына в свои лесные походы, на этот раз отказал. За лосятами он всегда ходил в одиночку.

— Ты не огорчайся, Степан, первого лосёнка тебе отдам на выучку, корми его и выхаживай.

Целый день Стёпа просидел недалеко от усадьбы, на лесной дороге, то и дело поглядывая вдаль. А когда на узкой просеке показался отец, он со всех ног бросился навстречу.

— Ждёшь?—улыбнувшись, спросил отец.— А я думал, за играми забыл о моём обещании. Ну что ж, так и запишем, что воспитателем Мишки будешь ты.

С этого дня Стёпа почти безотлучно, с утра до вечера, находился в лосятнике.

Вскоре Богданыч привёл ещё несколько лосят.

Через неделю они настолько окрепли, что начали резвиться, бегать за изгородью и играть друг с другом.

Все они были одинаково ручные и ласковые, но Стёпе казалось, что его лосёнок лучше всех.

Мишка отличался от других тем, что был менее подвижен, подолгу стоял на одном месте и казался задумчивым. Играл очень редко. Он любил ласку, любил, чтобы ему почёсывали лоб и шею. В пище был неразборчив, но оживлялся и пощёлкивал языком, когда Стёпа давал ему кусок сахара или конфетку. Сладкое Мишка обожал.

К концу лета лосят начали выпускать за ограду. Сначала следом за ними ходил пастух, он смотрел за тем, чтобы они не забрели далеко в лес, гонял их на водопой, указывал свежие, неощипанные кусты, а вечером, когда солнце близилось к закату, загонял в лосятник и запирал ворота.

Лосята настолько привыкли к своему распорядку дня, что утром, в положенное время, начинали бить передними ногами о перекладины ворот, а когда ворота, скрипя, открывались, они тут же лёгкой рысцой убегали в лес, целый день бродили по знакомым местам и поворачивали домой, не дожидаясь понуканий пастуха.

Наконец однажды Богданыч решил выпустить своих питомцев без надзора.

Этот день показался Стёпе необычайно долгим, он всё время поглядывал на солнце, а оно будто назло почти не двигалось. Стёпа боялся, что лосята заблудятся в бору и не найдут дороги домой.

Вечером, как и в прошлые дни, лосята подошли к воротам. Впереди был Мишка.

С тех пор их начали всё чаще и чаще выпускать одних. Богданыч радостно потирал руки и, давая лосятам по кусочку хлеба, говорил:

— Молодцы, ай да молодцы, детушки! Умницы мои, славные,—и поочерёдно гладил каждого из них.

Все лосята привыкли к Богданычу, но Мишка привязался к Стёпе. Он настолько полюбил мальчика, что бегал за ним неотступно, словно ласковая дворняжка. Он даже по голосу узнавал своего хозяина. Бывало, вечером лосята подойдут к своему жилью, а Стёпа выйдет на крылечко дома, протянет вперёд руку и крикнет: «Мишка, Мишка!» Лосёнок поднимет голову, глянет в ту сторону, откуда зовут, и стремглав бросится к мальчику.

...Прошло три года. Лосята превратились в стройных лосей. Особенно вырос Мишка. Он стал выше лошади — сильный, могучий — и уже один раз терял рога, а рога у него были красивые: широкие, ветвистые.

За это время Стёпа приучил его к упряжке, научил возить санки, телегу, ходить под седлом.

Мишка оставался всё таким же спокойным

и медлительным и больше прежнего любил Стёпу.

За три года не было такого случая, чтобы Мишка, уйдя утром в лес, к вечеру не вернулся.

...Приближалась осень. То и дело выпадали тихие, тёплые дожди, и хотя на дворе стоял уже конец сентября, лес всё ещё зеленел, высокие травы и цветы наполняли воздух ароматом, и казалось, что не осень пришла, а вступает в полную силу весна.

Подошло время уборки картофеля. Директор заповедника решил отправиться со всеми сотрудниками в поле ранним утром, чтобы поскорее окончить работу.

Перед уходом, на рассвете, Богданыч выпустил лосей.

— Гляди, Степан, — наказывала мать, — ежели мы припоздаем, телят загони, а то, чего доброго, волки задрать могут.

На малолюдной центральной усадьбе из взрослых не осталось никого.

В этот день Степан с двумя товарищами, жившими в той же усадьбе заповедника, задержался в школе. Ребята приготовили там уроки, а затем целым звеном пошли в лес. Набрали грибов, наловили в озере раков, сварили их в котелке над костром, поели. Солнце уже садилось, когда мальчики вернулись домой.

За телятами не пришлось бегать, чтобы загнать в сарай: они зашли в лосятник и преспокойно улеглись отдыхать.

— Давайте закроем ворота, пускай полежат здесь, а папа придёт, в сарай перегонит, — сказал товарищам Стёпа.

Потрудившись изрядно над тяжёлыми воротами, мальчики разбрелись по домам. Стёпа сел на завалинку, чтобы дождаться своих, но тут же заснул.

Между тем подошли лоси. Увидев закрытые ворота, они остановились и начали с беспокойством оглядываться по сторонам. Мишка поднял ногу и ударил ею — одна доска сломалась, но ворота не открылись.

Лоси побродили немного вокруг и, когда уже совсем стемнело, снова повернули в лес.

С поля приехали поздно вечером. Мать стала будить Степана. Он о чём-то заговорил во сне, потом сел.

— Проснулся, хозяин? — спросила мать. — Телят-то загнал?

— Загнал, загнал, загнал, — скороговоркой затараторил Степан.

И, сидя, он всё ещё продолжал спать.

— Он парень аккуратный, — сказал отец и спросил: — Стёпа, а ворота в лосятнике прикрыл?

— Ага, прикрыл.

— Ужинать хочешь? — спросила мать.

Степан отрицательно качнул головой, в полусне добрёл до постели, лёг и заснул ещё крепче.

Утром Богданыч проснулся, как всегда, рано и пошёл выпустить телят, но в сарае их не было и даже дверь стояла открытой. Он обошёл двор, думая, не выпустил ли телят кто-нибудь из соседей, но их нигде не было.

Тогда он решил пойти выпустить лосей, разбудить Степана, расспросить как следует и начать поиски. Открыл ворота, вошёл в лосятник и, ахнув, остановился. Вместо лосей здесь бродили телята.

— Батюшки, батюшки! — почти закричал он и, спотыкаясь, бросился домой.

— Степан, Степан, — тормошил он сына, — вставай! Лоси!.. Где лоси? Ты пускал их в лосятник?

Вначале Стёпа не мог сообразить, чего, собственно, хочет от него отец, но по мере пробуждения начал понимать, что произошло что-то страшное. Он ещё ни разу не видел отца таким взволнованным. Стёпа вспомнил весь вчерашний день и вечер. Вспомнил, как запер телят в лосятнике, как собирался дождаться отца. И не дождался. Заснул! А лоси, наверное, приходили, стояли у ворот... И вот теперь их нет.

— Ты чего молчишь? — закричал отец. — Пускал лосей или нет? Сказывай.

— Не... не пускал, — шопотом произнёс Степан и заплакал.

Богданыч схватился руками за голову и молча выбежал из избы.

Опытный лосевод, он прекрасно понимал, что этот случай не пройдёт бесследно в жизни одомашненных лосей, и ещё не известно чем всё это дело кончится. Может быть, лоси и не уйдут, может быть, даже снова придут вечером на старое место, но, что они выбиты из колеи, Богданычу было ясно.

Где они сейчас? Хорошо, если не попали на кордон, тогда никуда не денутся: из заповедника через ограду им не перебраться. Но если добрели до кордона, — пропало дело. Там не ворота, а засов. Перешагнуть его лосю нетрудно. А за кордоном на десятки вёрст тянется бор, и захотят вернуться назад, да не смогут: ограда не пустит.

Через полчаса во все стороны заповедника поскакали на поиски верховые.

Лось — хотя и крупное животное, но в лесу, когда человек видит часто не дальше двадцати шагов, когда нужно обходить топи и болотистые места, найти его нелегко. Ты идёшь в одном направлении, присматриваешься, а в это время в стороне, почти рядом, идёт в обратном направлении лось. Вскоре он свободно будет разгуливать там, где только что прошёл ты, обшаривая каждый куст.

..Скоро стало известно, что много лосиных следов обнаружили у северного, самого отдалённого кордона, что один лось, видимо, ушёл из заповедника, а остальные повернули обратно.

Первый день поисков не дал никаких результатов. Многим встречались дикие лоси, кто-то спугнул стадо пятнистых оленей, но беглецов не обнаружил никто.

Бесплодным был и второй день. А на третий, к вечеру, лоси явились сами и как ни в чём не бывало вошли в ворота лосятника.

Однако Мишки среди них не было.

Стёпа затосковал. О чём и с кем ни начинал бы он разговор, обязательно сводил речь к Мишке.

Опечален был и Богданыч:

— Конечно, я сам виноват. Только подумать: вырастили такого, а я проморгал его. А какой умный был! Другого такого нигде не найдёшь. Это вам не Злой и не Дочка.

— Найдётся, придёт, — говорили ему.

Но Богданыч покачивал головой:

— Не придёт. Из лесу не вернётся. А как Степан привык к нему! Ведь ходил за ним, молоком выпаивал.

Придя домой из школы, Стёпа почти каждый день обращался к отцу:

— Папа, пойду в лес, может, встречу. Уроки вечером выучу.

И если отец отпускал, Стёпа клал в карман ломоть хлеба и уходил в бор. Иногда он забирался в самые глухие уголки и бродил там, осматривал каждый куст. Поднимался на высоченные песчаные холмы, поросшие соснами, простаивал на них по нескольку часов подряд, и эхо далеко разносило вокруг его голос:

— Мишка! Мишка!

Но Мишка исчез.

Однажды, когда Стёпа снова попросился в лес, отец сказал:

— Хватит искать, Степан. Директор не велит.

Степана даже качнуло.

— Директор говорит, что на Мишке надо проследить, вернётся ли лось к человеку, если его снова выпустить на свободу в лес. Таких опытов мы не проделывали, а другого лося выпускать жалко. Мишка, коли уж он сам ушёл, пускай послужит этому делу. Вернётся — хорошо, не вернётся — так и запишем.

Степан должен был согласиться.

Прошли недели две.

Как-то днём зоолог заповедника Ярошкевич предложил Стёпе поехать с ним в один из отдалённых участков бора, проверить групповую скворечницу: поселились ли там после отлёта скворцов другие птицы — зимующие.

Возвращались домой вечером. До ворот кордона оставалось, может быть, два — три километра. В этом месте лес расступился и дорога проходила среди большой поляны, заросшей по краям молодым осинником и бересклетом. Было тихо. От недалёкого озера чуть тянул прохладный, сырой ветер.

— Смотри, смотри, — сказал Ярошкевич, — никак, лось показался?

Из зарослей осинника на поляну вышел крупный с роскошными, ветвистыми рогами лось. Он находу повернул голову, посмотрел на телегу и пошёл дальше, не меняя направления.

Стёпа взглянул на него и вдруг судорожно вцепился пальцами в руку Ярошкевича:

— Это ж... это Мишка!

Он бросил вожжи, спрыгнул с телеги, отбежал немного в сторону и закричал:

— Мишка! Мишка! Мишка!

Лось повернул к нему голову, но продолжал идти дальше.

— Мишка! Мишка! — взволнованным голосом надрывался Стёпа и с вытянутыми руками побежал к лосю.

Лось замедлил шаг, остановился, потом вдруг пошёл Стёпе навстречу. Он вытянул вперёд морду, рога почти легли ему на спину. Не доходя нескольких шагов, он встал, поднял уши вверх и трепетными ноздрями глубоко потянул воздух. Потом, чуть приоткрыл рот и несколько раз подряд негромко протянул: «Ах-ах-ах». Мишка узнал своего хозяина.

Стёпа был вне себя от радости и волнения, он то обнимал красивую голову лося, то гладил его. Потом бросился к телеге, взял оставшийся кусок хлеба и протянул своему любимцу. Мишка ел, положив, как и раньше, голову на плечо мальчика.

— Мишка! Мишуха, дурень, соскучился? Эх, ты, бродяга! — ласково шептал Стёпа, слегка похлопывая ладонью по пушистой шее.

Он решил увести Мишку домой.

Как бывало и раньше, лось послушно пошёл по дороге, следом за ним — Стёпа, а сзади ехала телега. Стёпа обернулся назад и крикнул Ярошкевичу:

— Дядя, я же говорил папе, что Мишка не забудет, вернётся. Ведь три года при руках был.

Всё шло хорошо. Улыбающийся Стёпа уже

видел, как он загоняет лося в лосятник, как Мишка обнюхивает знакомых лосей.

Но у самых ворот кордона всё неожиданно изменилось. Где-то в стороне раздались грозные трубные звуки, так хорошо знакомые жителям бора: «Ах-ах-ах».

Это кричал старый, могучий лось, вызывая на единоборство соперников. Его клич долго раздавался в вечернем воздухе.

Услышав эти звуки, Мишка вдруг остановился, высоко подняв голову. Его тело напряглось, он готов был броситься в сторону, чтобы в одно мгновение исчезнуть в чаще.

— Мишка! Мишка! Ты что, дурной?—ласково сказал Стёпа, торопливо подойдя к лосю

Но Мишка его не слышал. Он стоял, слегка дрожа, глаза его казались огненными. Он прислушивался, быстро поворачивая из стороны в сторону свою красивую голову, и ждал повторения вызова. Но в лесу снова было тихо.

Из рассказов отца Стёпа знал, что пройдёт небольшой промежуток времени и вызов повторится вновь, и тогда...

— Дядя,—обратился он к Ярошкевичу.— В ворота бы его как-нибудь. Давайте вместе. Только бы в заповедник, а там не уйдёт.

Они и манили лося и подгоняли хворостиной, но Мишка упорно не шёл. Он топтался на месте, изредка ударял ногой в землю, но и не уходил в лес.

— Верёвки нету,—сказал Стёпа,—а то привязать бы его к телеге.

— Да ты что? — сказал Ярошкевич.— Одна лошадь ни за что не справится. Он и сам уйдёт и её утащит. На паре можно. Сбегай к леснику, пускай приведёт ещё одну лошадь и верёвку захватит. А я пока займу его.

— Лесник не послушает меня,—ответил Стёпа: ему не хотелось ни на минуту оставлять лося.

— Ладно, я сам сбегаю,—сказал Ярошкевич и торопливо зашагал к кордону.

Занимать Мишку не пришлось. Он немного успокоился и снова положил голову на плечо Степана, но когда Стёпа опять попытался гнать его к воротам, Мишка опустил уши и отошёл на несколько шагов назад. Стёпа волновался, он боялся, что Ярошкевич опоздает и Мишка уйдёт в лес. Те полчаса, которые отсутствовал Ярошкевич, показались мальчику, по крайней мере, сутками.

Стемнело, на одной из ближайших сосен захохотал филин. Мишка снова забеспокоился. Но вот подошли Ярошкевич и лесник. Лесник вёл в поводу лошадь, а Ярошкевич нёс толстую верёвку.

— Подпрягайте коня,—сказал Ярошкевич,— а я Мишку обратаю.

Он сделал петлю-удавку, накинул её на рога и захлестнул у самого лба, потом дёрнул верёвку, но Мишка не пошёл, упёрся.

Тогда подкатили телегу и Ярошкевич накрепко привязал оба конца верёвки к железной оси.

— Готово!—крикнул он.—Трогай, да не спеши, чуть-чуть.

Стёпа стоял возле Мишки и похлопывал его по спине.

Лошади тронулись. Лось вначале пытался было сопротивляться, но, словно передумав, пошёл за телегой.

— Так, так, милок,—шептал Ярошкевич,— ещё чуток и скинем верёвку.

Но в тот момент, когда телега уже въезжала в ворота, снова раздалось могучее: «Ах-ах-ах». И в то же мгновение Мишка встрепенулся, поднялся на дыбы, потом рывком бросился в сторону и опрокинул телегу. Его бросок был настолько неожиданным, а рывок настолько сильным, что лошади остановились, попятились назад.

— Гони, гони!—закричал Ярошкевич и сам тоже бросился к лошадям.

Лошади рванись вперёд, но не могли осилить лося, у которого ярость удвоила силы. Опрокинутая набок телега подавалась то в одну, то в другую сторону, и трудно было решить, на чьей стороне окажется перевес.

— Но, но!—кричал Стёпа.—Ещё малость, и он выдохнется.

Но лось не выдыхался. Верёвка натянулась. И вдруг что-то свистнуло, хлестнуло по лошадям, и они, словно безумные, рванулись вперёд, волоча телегу.

— Верёвка, верёвка оборвалась!—крикнул Стёпа.

Он глянул на поляну и увидел вдали быстро мчавшегося лося.

Снова прокричал свой вызов старый лось, и на этот раз ему ответил Мишка, но это уже не было то ласковое аханье, к которому привык мальчик. Это был трубный звук, яростный крик лося, идущего на единоборство.

Давно уже Мишка скрылся в зарослях бора, а Стёпа всё ещё стоял среди полянки в надежде, не вернётся ли его любимец назад. К нему подошёл Ярошкевич:

— Пошли, Стёпа. Сейчас его ждать бесполезно. Но, имей в виду, мне кажется, что Мишка может вернуться. Если, конечно, оста-

Гос Публичная Библиотека 33 Ленинград

нется жив. Он тебя не забыл, сразу узнал и безбоязненно пошёл к рукам.

Стёпа нехотя двинулся за зоологом.

Ярошкевич решил не ехать на центральную усадьбу и заночевал у лесника на кордоне.

Поужинали, легли спать.

Стёпа долго ворочался с боку на бок, закрывал глаза, старался ни о чём не думать, но сон всё равно не приходил, а перед глазами словно наяву стоял Мишка. Когда мальчик начинал думать о том, где сейчас лосёнок и что с ним, ему становилось страшно. Из рассказов отца Стёпа знал, что бой лосей часто заканчивается смертью одного из них и что обычно побеждает старый лось. Ему то казалось, что Мишка лежит под высокой сосной, весь окровавленный, лежит, запрокинув назад ветвистые рога, то виделось, будто бредёт он по лесу, спотыкается и словно стонет: «Ах-ах-ах».

Время близилось к полуночи. Над бором взошла полная луна. Её свет скользнул меж вершин вековых сосен и через окно заглянул в избу лесника, оставив на полу беловатый квадрат.

Басистый лай лесникова пса отогнал от Стёпы дрёму.

«На кого он так кидается?» — подумал Степа и тихонько, стараясь не шуметь, подошёл к окну и глянул во двор. В тот же миг раздался его крик, всполошивший и поднявший на ноги всех.

— Пришёл! Дядя, Мишка пришёл!

Стёпа не стал ни одеваться, ни обуваться, а как был в одних трусиках, так и выбежал на крыльцо.

Среди двора, облитый лунным светом, стоял лось.

— Мишка! Мишка!— закричал Стёпа, спускаясь с крыльца.

Лось повернул голову и, тяжело прихрамывая, пошёл навстречу хозяину.

В нашем лагере лесном

С. Погореловский

Замечательно живётся
В нашем лагере лесном!
Тут малина — у колодца,
Сыроежки — под окном.

Знай, броди по чаще дикой,
Жги костры
Да песни пой...
И пропахли мы клубникой,
Дымом горьким и смолой.

Нас волчонок не боится,
Не кусают муравьи,
Знают звери,
Знают птицы:
Мы — лесные,
Мы — свои.

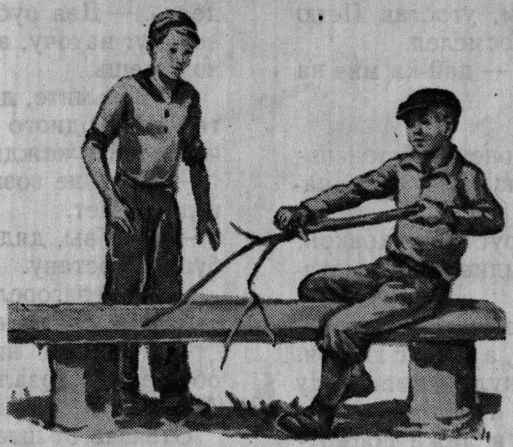
Только утро наступает,—
Под окошком свист опять:
То синица прилетает
С добрым утром поздравлять.

Мы с плотичками играем —
Вместе скачем в ручейке,
Мы с вороной рассуждаем
На вороньем языке.

Набросаем всюду крошек,
От гостей отбою нет.
И задорный юркий ёжик —
Нам приятель и сосед.

И лисица —
Нам сестрица,
И зайчишка серый—
Брат...

А ночами часто снится
Шумный город Ленинград.



Острое лезвие

Иосиф Дик

Рис. Б. Винокурова

И кто просил этого точильщика зайти во двор? Прошёл бы себе мимо, да нет, завернул:

— Та-ачить ножи-ножницы, бритвы править! Та-ачить, ножи-ножницы, бритвы править!

И снял с плеча свой станок.

И сразу из всех дверей выскочили хозяйки. Кто нёс лёгкие и красивые столовые ножи, кто поварские — неуклюжие и почерневшие. Какой-то дедушка в валенках притащил и бритву и топор.

Точильщик втыкал ножи за ремешок на станке, запихивал себе за широкий пояс: на живот, на бока и за спину.

Нажимая ногою на перекладинку внизу станка, он работал, словно пританцовывая. На оси вертелось штук восемь камней, начиная от тонкого и большого и кончая пузатым и маленьким.

С воткнутыми за пояс ножами точильщик был похож одновременно и на разбойника и на фокусника. На нём был серый, грязный фартук и сдвинутый набекрень помятый картуз.

Отточив один из ножей, он, вскидывая бородку, подслеповато глядел на него из-под очков. Потом выдёргивал из головы волос и, положив эту еле заметную паутинку на лезвие, дул на неё.

Паутинка разлеталась на две части.

И вдруг Петя вспомнил, что у него тоже есть нож! Вернее, он не вспомнил, а очень хорошо знал, что в кармане лежит перочинный ножичек. Петя сжимал его в кулаке, гладенький, почти скользкий, и всё не решался отдавать в точку.

Ножик был и без точки хорош.

Когда Петя случайно на стадионе «Динамо» нашёл этот ножичек, он, придя домой, сразу привязал его накрепко верёвочкой к своим штанам.

Ножичек был с перламутровыми боками, которые на солнце переливались то розовыми, то зелёными, то синими огоньками. Он вмещал в себя шесть приборов. Кроме двух ножей — маленького и большого — в нём были ножницы, ногтечистка, штопор и, наконец, резец для консервов.

Нужно это было или не нужно, Петя всюду появлялся со своим ножичком. Он помогал бабушке чистить картошку, колол лучинки, хотя печку не топили. Он ходил по соседям вспарывать консервные банки, а продавщице в ларьке на улице открывал бутылки с лимонадом.

Петя стал необычайно аккуратным. Ногти у него были срезаны и тщательно подпилены.

Петиному приятелю Сёме тоже очень хотелось подпилить ногти, но попросить у товарища ножичек он не решался. Сёма всюду ходил за Петей, как тень. Он придерживал консервные банки, деловито советовал, как лучше ввинчивать штопор в пробку.

Один раз, как-то днём, угостив Петю сырой морковкой, Сёма осмелел.

— Петя, — сказал он, — дай-ка мне на секундочку твой ножик.

— А зачем?

— Я срежу вон там тоненький-тоненький прутик,— и Сёма указал на куст акации.

— Я бы тебе дал, — хрустя морковкой, сказал Петя,— да, вот видишь, он к штанам привязан.

— А ты ведь его отвязывал позавчера.

— Ну тогда отвязывал, а сейчас нельзя.

— Пожалел... — вздохнул Сёма. — Ну ладно. Я вот тоже скоро куплю. Уже три рубля насобирал. Куплю и даже посмотреть не дам.

— Купишь, когда Северный полюс растает, — засмеялся Петя. — Такого ножичка нигде не достать. Он, смотри, из нержавеющей стали сделан.

Петя дохнул на лезвие. Оно помутнело и вдруг опять стало блестящим.

— Здорово! — загорелся Сёма.— Воды, значит, не боится? А ну-ка, дыхни ещё.

— Сто раз одно и тоже не показывают!

На следующий день друзья уже забыли об этой маленькой ссоре. Они попрежнему бегали по двору, запуская хвостатого змея; а из дров, которые штабелями лежали на дворе, складывали себе пещеру.

Всё шло попрежнему и вот:

— Та-ачить ножи-ножницы, бритвы править!

Петя вылез из дровяной пещеры, где они с Сёмой из какого-то разломанного ящика сколачивали стол.

— Я не пойду,— сказал Сёма,— мне точить нечего!

И остался.

Тысячи искр вылетали из-под ножей! Они летели, раскалённые и стремительные, но ни одна не пропадала даром: все они попадали к Пете в ладонь! Искры ладонь не обжигали. Да и сами их удары были словно укусы каких-то комариков.

Петя вертелся около точильщика, пока тот не выточил все ножи и не стал заворачивать цыгарку.

— Дядя, — сказал Петя — а за сколько возьмёте поточить этот ножичек?

Точильщик приподнял картуз и поскрёб пальцем лысину.

«Все волосы на пробу ножей повыдергал»,— подумал Петя.

— За этот махонький? — взглянул точильщик из-под очков на петину гордость. — Два рубля. Только я у тебя не возьму: наточу, а ты ещё пальцы себе порежешь.

— Возьмите, дяденька! — застонал Петя. — Ни одного порезика не будет, хоть проверяйте каждый день.

— Нет, не возьму. Да у тебя, наверно, и денег нет.

— Что вы, дяденька, я их сейчас у бабушки достану.

— Вот загорелось! Ну, ладно, беги к бабушке. Гляди не обмани.

— Никогда никого не обманывал, — обиженно сказал Петя. — Сами увидите. А обману — ножичек себе возьмёте.

Отвязав от штанов ножичек и протянув его точильщику, Петя побежал домой. За спиной запел камень: «Ж-жжж-жж...»

«Теперь не нож, а совсем красота будет!» — подумал Петя, взбегая наверх.

Он застучал в дверь.

Сейчас должно было послышаться шлёпанье бабушкиных туфель. Но за дверью было тихо.

Петя затарабанил что есть силы. Бабушка не открывала.

«Ушла, наверно, на базар!»

Петя кинулся к соседней квартире. Но и она была заперта. Петя заметался по лестнице. К кому идти? На первом этаже живут новые люди. Они только недавно переехали.

К маме на работу бежать? Далеко. И всего два рубля нужно!

И вдруг Петя, радостно подпрыгнув, быстро спустился во двор.

Точильщик увидел Петю и помахал ножичком. Лезвие заманчиво сверкнуло.

— Я сейчас! — крикнул Петя и побежал в дровяную пещеру.

— Сёмка, — задыхаясь, сказал он, — одолжи два рубля.

— А зачем тебе?

«Сказать, что ножичек точу, не даст»,— подумал Петя.

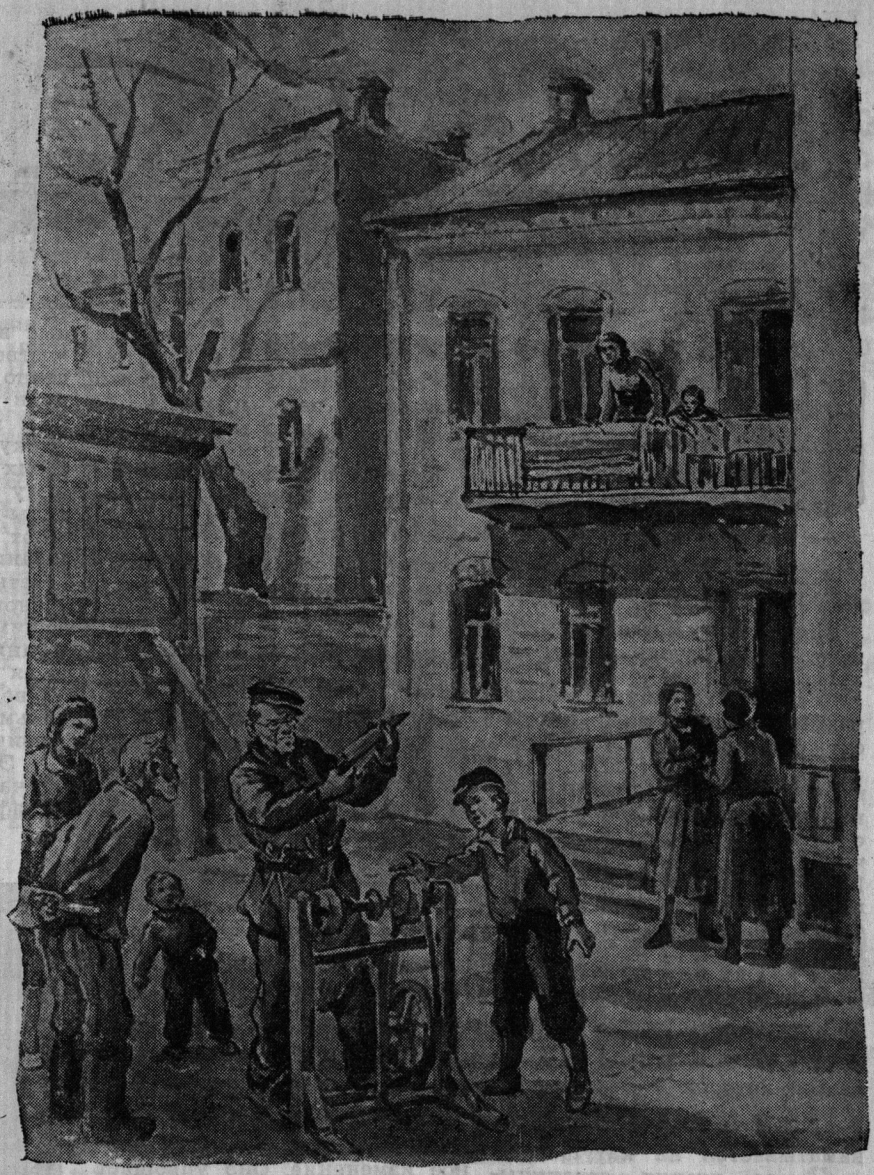
— Для одного дела. Мне очень нужно. Бабушка придёт, я тебе верну.

— А-а... Вот и попался! — засмеялся Сёма. — Ты мне тогда ножичек не давал, и я тебе сейчас не дам. Деньги у меня тоже к штанам привязаны.

— Слушай, Сёмка, дай! — взмолился Петя.— Я тебе, всё что захочешь...

— Не дам! — отрезал Сёма.— Как ты, так и я.

Всё было кончено. Ножик пропал. Точильщик сейчас уйдёт. Не ждать же ему бабушкиного прихода.



Выйдя из пещеры, Петя помахал точильщику—дескать, ещё секундочку! — и снова взбежал на крылечко дома. Здесь он спрятался за дверь и с тоской стал смотреть через щёлку на точильщика.

Ножичек был готов. Точильщик раскрывал его на обе стороны и ухмылялся. Ножичек, видно, ему понравился.

Вот он сложил его и сунул в карман фартука. Глядит по сторонам. Солнце поблескивает в его очках. Утирает ладонью пот с лица.

Опять смотрит по сторонам. Что делать? Сейчас уйдёт.

А вот и Сёма идёт, заложив руки в карманы. Ух, жадина, погоди!..

— Мальчик, поди сюда! — кричит Семе точильщик.

Сёма стоит спиной к крыльцу. О чём-то говорит и пожимает плечами.

— Та-ачить ножи-ножницы, бритвы править! — кричит точильщик и поднимает на плечо станок.

Ножичек! Ножичек уходит! Штопор, ножницы — эх!

Пете хочется броситься за точильщиком, закричать:

— Отдайте, дяденька, милый, отдайте!

Но — всё! Сёма идёт к крыльцу, заложив руки в карманы. Посвистывает...

Если бы не пришла бабушка, Петя просидел бы на лестнице весь день.

Дома, за что бы ни брался Петя, всё у него выпадало из рук. Даже бабушка заметила:

— Что ты, Петенька, кислый какой-то?

Он лежал на диване, закрыв ладонями глаза. Он ясно видел, как из-под вертящихся камней летели искры, как точильщик любовался ножичком.

Иногда ему казалось, что в кармане всё ещё лежит что-то тяжёленькое, и он тщательно ощупывал карман...

Было уже часов восемь вечера, когда в двери застучали. «Мама пришла...» — подумал Петя и, вздохнув, слез с дивана.

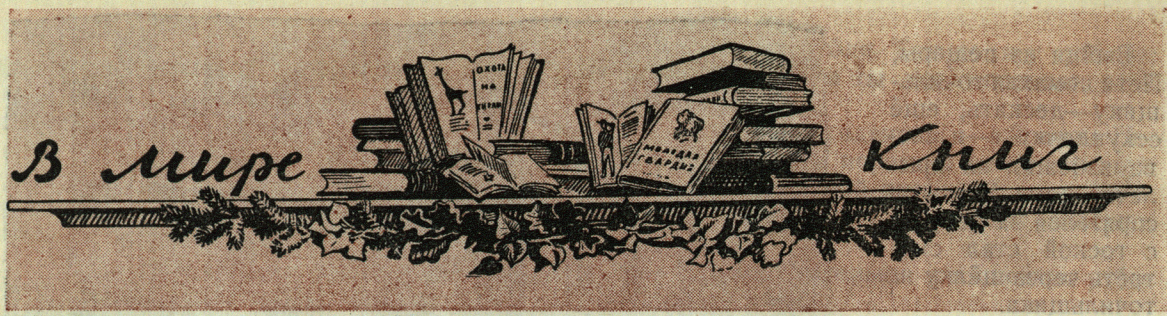
В дверь колотил Сёма.

— Уйди! — сказал Петя и хотел захлопнуть дверь.

Но Сёма, подставив ногу, задержал дверь:

— Бабушка пришла? Давай два рубля!

Он вынул из кармана уже развёрнутый петин ножичек, выдернул из головы два волоска, положил их на лезвие и дунул. Волоски разлетелись на две части.



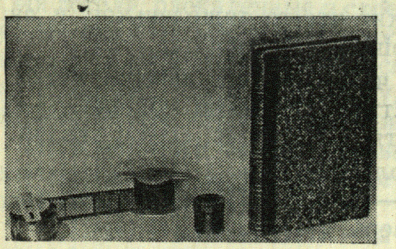
Необыкновенная библиотека

Попробуйте отгадать: что в этой коробочке?

Вряд ли вы отгадаете. Пожалуй, уж лучше я сам открою секрет.

В коробочке — книга... Книга размером в двести пятьдесят страниц! Это маленькая, микроскопическая книга — микрокнига. И каждая страница в ней величиной всего лишь с почтовую марку. Но как же читать её?!. Через микроскоп? И нет и да. Для этого сделаны специальные аппараты, которые совсем не похожи на микроскоп, но также увеличивают всё во много раз.

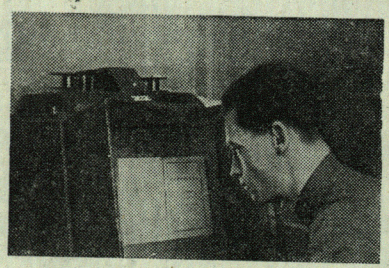
Микрокнига — не просто маленькая книга, а книга-кино. Страницы её составляют небольшую киноленту, каждый кадрик которой — снимок двух развёрнутых страниц обычной печатной книги. Фильм-книга наматывается на катушки, и по мере чтения страницы-кадры передвигаются. Изображение на экране можно, по желанию, или увеличить или уменьшить.



Итак, полное название этой коробочки — микрофильмированная книга.

Благодаря микрофильмированию все книги, которые вы читали в первом, втором, третьем, четвёртом, пятом, шестом классах, и те, которые осталось вам прочесть до окончания школы, уместятся в небольшом чемоданчике.

Я видел в Библиотеке имени Ленина в Москве читательский аппарат, посредством которого можно читать книгу и самому, а можно проектировать страницу на экран в большом зале, так, чтобы её читали одновременно сотни людей. Аппарат этот изготовлен на Московском оптическом заводе. Это конструкция советского инженера Лейтеса.



Впервые после изобретения печатного станка в книжном деле происходит такое огромное изменение. Оно упрощает обмен книгами между городами и странами, делает возможным проникновение самой редкой книги в самые отдалённые уголки. Микрокнигу можно пересылать в письме, можно носить с собой в бумажнике.

Отдел микрофильмирования Ленинской библиотеки занят сейчас фильмированием комплекта газеты «Правда». Эта газета стала выходить с 1912 года. И все номера её составляют библиотеку в несколько комнат, а после съёмки они спокойно лягут в несгораемый ящик, размером чуть превышающий обыкновенную шкатулку.

В Библиотеке имени Ленина есть книги-уникумы, изданные в очень маленьком количестве экземпляров и очень давно. Их нельзя выдавать на руки читателям. Сейчас этого и не нужно делать. Книги-уникумы спокойно стоят на своих полках, а читатель в зале, у аппарата, листает страницы-кадры микрофильма.

Вот что даёт микрофильмирование!

Четыреста с половиной миллионов страниц в этом году заснимет отдел микрофильмирования. И микрокниги разойдутся по библиотекам страны.

Заведующий отделом микрофильмирования Борис Тимофеевич Эйдельнант говорит:

— Этого мало. Перед нами задача — освоить цветную фотографию. Мы хотим, чтобы, читая нашу книгу, читатель восхищался и цветом, и тонкостью рисунков, и игрой искусно положенных художником теней.

И такие фильмы-книги будут!

И. Рахтанов

Книги о путешествиях

И. Халтурин

Люди великого подвига

Друзья мои, вы собираетесь в путешествие.

Может быть, вы завидуете Миклухе-Маклаю, который жил один среди папуасов Новой Гвинеи? Да, человек этот достоин зависти, но не тем, что он жил среди дикарей. Это не так привлекательно. Надо завидовать мужеству Миклухи-Маклая, его большому, человеческому сердцу.

Зависть к Миклухе-Маклаю — благородная зависть: она обозначает желание воспитать в себе его лучшие качества. И в этом вам может помочь «Дневник» Миклухи-Маклая, «Путешествие по Центральной Азии» Пржевальского — благородные и мужественные книги.

Антон Павлович Чехов говорил, что такие люди, как Пржевальский, «стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг».

«Их идейность, — писал он, — благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство... стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, холоду... изнурительным лихорадкам... — делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу... Недаром Пржевальского, Миклуху-Маклая и Ливингстона знает каждый школьник, и недаром по тем путям, где проходили они, народы составляют о них легенды».

И действительно, книги путешественников открывают нам не только новый мир, новые страны, новые народы, рисуют картины природы и быта людей. Они возбуждают в нас любовь к науке, жажду подвига.

«Фрегат Паллада» Гончарова, «Вокруг света на «Коршуне» Станюковича, «Дневник» Миклухи-Маклая, «Путешествие по Центральной Азии» Пржевальского, «Дерсу Узала» Арсеньева, «Четыре товарища» Кренкеля — разные книги о путешествиях в разные страны и в разные времена.

Но все они учат нас любви к Родине, возбуждают жажду познания, желание открывать мир. Все они воспитывают мужество и благородство, и все они должны стать спутниками нашей жизни.

Поэт науки

«...Я вижу себя шестилетним мальчиком, на берегу моря, около Афин; весь берег Елевсинской бухты усыпан серой и белой обточенной галькой, а я забавляюсь, бросая плоские камешки в тихо набегающую волну.

— А знаешь ли ты, что все эти камешки — мрамор? — говорит мне отец, и слово «мрамор» врезается мне в память, как острый шип шиповника. — Это не простой камень, это тот мрамор, из которого построен Акрополь в Афинах... «Мрамор, мрамор...» Я не могу успокоиться, перестаю бросать камешки, собираю лучшие, обточенные водой, бережно кладу их в спичечную коробку и храню, храню, как талисман, много десятков лет!»

Немало мальчиков живёт на берегу моря, и кто из них не играл галькой?! А вот Александру Евгеньевичу Ферсману врезалось в память слово «мрамор», и он всю жизнь отдал изучению камня. Что, казалось, могло быть безжизненнее камня? И как можно посвятить целую человеческую жизнь этому мёртвому, холодному, простому камню?!.

Академик Ферсман изучал камень в песках наших пустынь, в горах Урала, под снегом Хибин. И удивительно: в безжизненной пустыне родится серный завод, за Полярным кругом, где редко ступала нога человека, возникает большой город, новая отрасль промышленности.

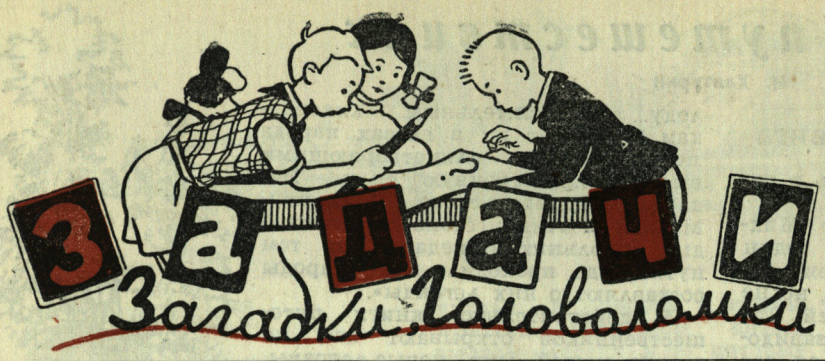
Камень и человек связаны друг с другом, человек даёт камню жизнь, и мёртвый камень становится предметом поэзии.

О своей любви к камню, о том, как камень помогал открытию великих законов природы, о своих многолетних исканиях рассказывает академик Александр Евгеньевич Ферсман в книге «Воспоминания о камне».

Это — не описание путешествий, а их результаты. «Экспедиция, — говорит Ферсман, — это овладение природой и её богатствами. Это победа над её силами, это — её познание для того, чтобы её переделать».

Горячие, вдохновенные воспоминания академика Ферсмана — книга советского учёного, изучающего тайны природы, чтобы победить её, заставить её служить народу.

Академик Ферсман, выдающийся учёный нашей страны, великий исследователь и патриот, должен стать идеалом для наших молодых путешественников, а его вдохновенные книги: «Воспоминания о камне», «Занимательная минералогия», «В песках Кара-Кумов», полные поэзии и мысли, — верными спутниками всех изучающих родной край.



ГЕОМЕТРИЯ С НОЖНИЦАМИ

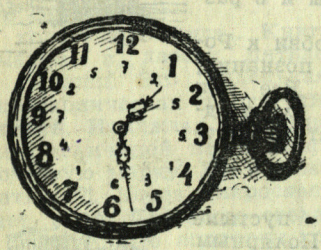
Задача 1

Возьмите квадратный лист бумаги и разрежьте его в два приёма так, чтобы из полученных частей можно было составить два квадрата одинаковой величины.

Задача 2

Возьмите квадратный лист бумаги и разрежьте его одним приёмом на четыре квадрата.

ЧУДЕСНЫЕ ЧАСЫ



Хочешь узнать, какой день недели 4 октября?

Посмотри на эти часы. Большие цифры показывают порядковый номер месяца.

Октябрь — десятый месяц. Около 10 стоит маленькая цифра 2. К этой цифре 2 прибавь 4, т. е. число, которое ты определяешь.

2+4=6,

значит, 4 октября — шестой день недели, т. е. суббота.

Если сумма окажется больше семи, раздели сумму на 7. Остаток покажет день недели.

Например, 12 ноября

Ноябрь — одиннадцатый месяц. Около 11 стоит маленькая цифра 5.

5+12=17

Разделим 17 на 7, в остатке—3.

12 ноября — третий день недели, т. е. среда.

Если сумма делится без остатка, значит, определяемое число — воскресенье.

Например, 24 августа.

Август — восьмой месяц. Около 8 стоит маленькая цифра 4.

4 + 24 = 28.

28 делится на 7 без остатка.

24 августа — воскресенье.

ОТВЕТЫ

На задачи, помещённые в № 2

ФЕДИН ОГОРОД

На рисунке изображены: УкроП, АрбуЗ, РепА, ОгуреЦ, КартофелЬ, ГрушА, ЛуК, БаклажаН, СвёклА, ЯблокО, ЕжевикА, ВишнЯ, ИнжиР, ТыквА, ДыняЯ, МорковЬ.

А вот новые названия, которые можно составить из первых и последних букв этих слов: слива, абрикос, персик, апельсин, лимон, мандарин, виноград, маслина, клубника, земляника, брусника, смородина, малина, калина, рябина, поляника, голубика, костяника, редис, редька, капуста, помидор, салат, соя.

НЕПОНЯТНАЯ НАДПИСЬ

Прочтите сначала буквы на длинных досках забора, потом остальные; на заборе написано: «А ларчик просто открывался».

ЗАДАЧА-ШУТКА

Нужно положить по три монеты с каждой стороны и поверх каждой угловой монеты—ещё по одной.

1947 г.
Акт № 6[illegible]7
Вкладн. л.

СОДЕРЖАНИЕ

Первое Мая.—*Стихи Иры Дмоховской* . . . . . 1 стр.
Морская соль /Продолжение/ — *Н. Жданов. Рис. П. Баранова* . . . . . 2 „
Речка.—*Стихи Фёдора Белкина. Рис. В. Алфеевского* . . . . . 8 „
Советы старого краеведа.—*В. М. Колобов, консультант Московского областного музея.* 9 „
Разведчики дорог.—*М. Дурденевская* . . . . . 10 „
Ваша помощь Ботаническому саду. *П. А. Баранов, член-корреспондент Академии наук* . . 13 „
Друзья полей и садов.—*К. Благосклонов, научный сотрудник Болшевской биостанции МГУ* . . . . . 14 „
В поход, ребята!—*А. Некрасов* . . . . . 15 „
Пионерский краеведческий музей—*Ю. Сотник* . . . . . 17 стр.
Змей.—*Стихи Юрия Яковлева* . . . . . 19 „
Московские пионеры подшефному колхозу.—*Фото-очерк М. Бугаевой* . . . . . 20 „
Наша почта . . . . . 22 „
Беседа вожатого.—*Е. Рубцова* . . . . . 26 „
Стёпин питомец.—*Рассказ В. Пистоленко. Рис. Г. Никольского* . . . . . 29 „
В нашем лагере лесном.—*Стихи С. Погореловского* 34 „
Острое лезвие.—*Рассказ Иосифа Дика. Рис. Б. Винокурова* . . . . . 35 „
В мире книг . . . . . 38 „
Задачи, загадки, головоломки . . . . . 40 „
Война сорнякам!—*Рис. Ф. Лемкуля* . . . . . III и IV обл.

На обложке: рисунок лауреата Сталинской премии Л. Голованова „Тимуровки".

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В., Соловьёв А. Д.

Подписано к печати 27/V—47 года. Изд. № 353. 82×110. 1/16 бум. листа.
А—06481. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж 58 000. Заказ 1145.
Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Война сорнякам

Огромный ущерб наносят посевам сорняки. Мы сегодня рассказываем об этих врагах полей, чтобы ты понял, какое значение имеет для колхозов помощь в прополке. Эту помощь в силах оказать пионеры, школьники — ты и твои товарищи. Помощь в большом, серьёзном и важном для государства деле — в борьбе за плодородие земли, за богатый урожай, за изобилие.

Рассмотри и сравни корень культурного растения — пшеницы — и корень сорняка — пырея. У кого он длиннее, толще, ветвистее, могучее? У сорняка.

А ведь корнями растения добывают из почвы питательные вещества и влагу. И в той молчаливой борьбе, которая ведётся растениями за пищу, за каждую каплю влаги, сильнее оказываются сорняки.

Пронизывая своими длинными корнями почву, они обкрадывают посевы. Они отнимают у культурных растений ту влагу, ту пищу, которую, заботясь об урожае, заготовил человек.

Вот два примера. Сорняк овсюг высасывает из почвы в полтора раза больше воды, чем пшеница. Сорняк полевая редиска берёт из земли в два раза больше азота и фосфора и в четыре раза больше извести, чем овёс.

Растения спорят между собой не только за питательные соки земли. Идёт борьба и за свет, за солнечный луч. Не может растение жить без света.

И в этой борьбе сорняки тоже сильнее. Они быстрее растут, подымаясь зелёной стеной, они заглушают культурные растения, закрывают от них солнце.

Все средства использует человек, чтобы истребить, вывести сорняки. Он пашет землю, он мотыжит, он полет, он сортирует и веет зерно перед посевом, чтобы очистить его от примешавшихся семян сорняков.

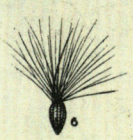
Почему же каждую весну на полях вновь появляются сорняки? Они поразительно плодовиты. Если обычно в колосе пшеницы бывает 30—40 зёрен, то один кустик сорняка лебеды — только один кустик! — приносит до 100 тысяч семян.

Стоит только дунуть на пушистую головку одуванчика, как во все стороны разлетятся пушинки. Покачиваясь, как парашюты, они плывут в воздухе, несут незаметный глазу груз — мелкие семена одуванчика. Вот почему говорят, что в том месте, где «парашюты» одуванчика снизились, приземлился десант врагов полей, десант сорняков.

И не только семенами размножаются сорняки. Есть сказка про Змея-Горыныча. В ней говорится, что когда Иван-царевич разрубил Змея-Горыныча на куски, каждый кусок превратился в нового змеёныша.

Невольно вспоминаешь эту сказку, разглядывая по-змеиному длинный семиметровый корень осота. На нём есть подземные почки. А кусочек корня с почкой, хоть маленький, всего два сантиметра в длину, способен дать росток — это новый осот. За лето он окрепнет, от него протянется целая сеть корней. Они легко ломаются и дают начало новым кустам.

Вы знаете, сколько труда вкладывают колхозники, чтобы вырастить культурные растения? А если дать волю сорнякам, они погубят большую часть урожая. Объявите войну сорнякам! Беспощадно уничтожайте их на полях, в огородах, в садах, скашивайте сорные травы до того, как созреют их семена, на межах, дорогах, пустырях. Помощь колхозам — настоящее пионерское дело.



Посмотрите, как разнообразны приспособления у семян сорняков, помогающие им расселяться на полях: 1—чашечка шалфея, 2—коробочка полевой фиалки, 3—плод полевой герани, 4—стручок вики — все эти растения далеко разбрасывают свои семена, 5, 6—семена одуванчика и осота, легко переносятся ветром, 7, 8—коробочки куколя и белены, рассеивают свои семена, 9—корзинка с семенами репейника, 10—плоды дурнишника, 11—головка с плодами гравилата, 12—плоды липучки, цепляются за шерсть животных, за одежду людей и разносятся далеко

711

Цена 2 руб. 50 коп.

4466 П 29
34

Здесь нарисованы наиболее распространённые сорняки — враги наших полей и огородов: 1. Лебеда. 2. Куколь. 3. Мышей. 4. Овсюг. 5. Пырей. 6. Осот. 7. Сурепица. 8. Павилика. 9. Подорожник. 10. Вьюнок полевой.